

57 (1906), Nr. 17/18, Sp. 613 sq.; M. J. de Goeje въ Deutsche Literaturzeitung, 27 (1906), Nr. 19, Sp. 1202.

E. Gerland. Der 4. Kreuzzug. — Geschichte des lateinischen Kaisertums von Kpel. См. Виз. Врем., т. XI (1904), стр. 236 и 678. — Рецензія Н. Kretschmayr въ Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung, 26 (1905), S. 362—364.

А. Васильевъ.

Г. ИСКУССТВО И АРХЕОЛОГІЯ.

Э. Р. фонъ-Штернъ. *Θεοδοσία и ея керамика*. Одесса 1906. — Это III выпускъ «Музея Импер. Одесск. Общ. Ист. и Древн.». Вторая часть этого сочиненія особенно должна привлечь вниманіе интересующагося средневѣковой керамикой запада и востока. Здѣсь изданы и описаны образцы поливной посуды, вообще извѣстной подъ именемъ поздней восточной, мало обращающей на себя вниманіе въ современной наукѣ. Авторъ даетъ нѣсколько новыхъ соображеній для датировки этой посуды и указываетъ на центръ выдѣлки ея — Византію. Заключение В. Г. Бока онъ исправляетъ и добавляетъ, равно какъ и болѣе правильно ставитъ въ связь эту посуду съ эллинистическимъ искусствомъ. Нельзя не привѣтствовать эту, пока общаго характера, мысль, ставящую средневѣковую керамику какъ особую область въ тѣсную связь съ предшествующими ей областями керамики. Далѣе нужны будутъ штудіи въ тѣсномъ смыслѣ отдѣльныхъ памятниковъ. Не могу, однако, не замѣтить, что указаніе на Константинополь, какъ на центръ выдѣлки этой керамики, хотя и не противорѣчитъ историческому взгляду на широкое производство ея въ Константинополѣ, но должно будетъ, повидимому, измѣниться подъ вліяніемъ отдѣльныхъ штудій и прямыхъ данныхъ, указывающихъ на вывозъ ея къ намъ на югъ изъ Египта и Сиріи. Кромѣ того, извѣстны случаи привоза ея оттуда же на многіе пункты средневѣковой Европы. Мнѣ придется въ послѣднемъ выпускѣ Древностей Херсонеса, опираясь на тѣ же памятники, изданные Э. Р. Штерномъ, указать на иную постановку вопроса въ изученіи средневѣковой керамики, притомъ, главнымъ образомъ, въ отдѣльныхъ штудіяхъ, указывающихъ на ея привозъ изъ Египта и Сиріи.

Д. А.

А. Л. Бертъ-Делагардъ. *О Херсонесѣ*. Извѣстія Императорской Археолог. Коммиссіи. Вып. 21. Спб. 1907 г. — Авторъ высказываетъ нѣсколько важныхъ замѣчаній относительно крестообразнаго храма, открытаго въ Херсонесѣ въ 1902 году, затѣмъ крещальни (близъ Уваровской базилики) и крѣпостной ограды, т. е. объ античныхъ (V вѣка до Р. Хр.) стѣнахъ Херсонеса съ башнями. Не во всѣхъ случаяхъ можно, однако, согласиться съ уважаемымъ авторомъ. Особенно возбуждаетъ сомнѣнія защита высказывавшагося не разъ авторомъ положенія, что большинство херсо-

несскихъ храмовъ имѣло деревянныя покрытія, не имѣло сводовъ и куполовъ, которые авторъ допускаетъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Профили арочныхъ тягъ онъ объясняетъ желаніемъ мастеровъ «дать игру свѣтотѣни въ углахъ опоръ, сдѣлать послѣднія легче и фигурнѣе помощью увеличенія профилировокъ» (стр. 18), хотя съ другой стороны авторъ указываетъ самъ на крайнюю строительную бѣдность и небрежность въ возведеніи стѣнъ изъ бута и проч. Отводя къ одному изъ послѣднихъ выпусковъ Древностей Христіанскаго Херсонеса разборъ архитектурныхъ формъ херсонесскихъ храмовъ, укажу здѣсь только, что свои соображенія авторъ не подкрѣпляетъ общимъ анализомъ этихъ архитектурныхъ формъ, какъ историческихъ данныхъ, а потому и результатъ этихъ соображеній сомнителенъ. Какъ письменные источники, такъ и сохранившіеся памятники показываютъ совершенно ясно случаи, когда деревянная крыша или деревянные верхи (купола) возводились надъ каменными стѣнами. Анализъ каменныхъ стѣнъ съ конструктивной стороны даетъ обильный матеріалъ для выдвинутаго авторомъ вопроса, который будетъ разработанъ мною въ частностяхъ по отношенію къ храмамъ Херсонеса. Описаніе деревянныхъ потолковъ въ базиликахъ (Евсейі), описаніе прекраснаго, сложнаго по своей конструкціи купола многограннаго у Хорикія Газскаго (V вѣка), пополняются другими свѣдѣніями этого рода, а деревянные покрытія ротондъ вытекаютъ совершенно изъ строительныхъ формъ ихъ стѣнъ, которыя отличаются отъ стѣнъ подобныхъ же ротондъ въ тѣхъ случаяхъ, когда надъ ними возводится каменный верхъ (коробовый или бочковый сводъ, а затѣмъ и куполъ).

Не менѣе интересенъ вопросъ о водоемахъ или крещальняхъ, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, поднятый снова авторомъ, а также вопросъ о загадочномъ подземномъ ходѣ крестообразнаго храма, для объясненія котораго авторъ представляетъ новыя соображенія, указывая на то, что надъ входнымъ отверстіемъ въ подземный проходъ могла стоять башня (б. м. сигнальная). Но мнѣ кажется, что наиболѣе вѣроятными соображеніями уважаемаго автора являются тѣ, которыя высказаны имъ относительно кладбища около крестообразнаго храма и объ его христіанскомъ происхожденіи и назначеніи. Результатъ добытъ имъ изъ сопоставленія по времени найденныхъ въ гробницахъ монетъ и подкупаетъ своимъ яснымъ взглядомъ на дѣло. Этотъ результатъ можетъ быть подкрѣпленъ и историческими данными, которыя находятся въ жизнеописаніи херсонскихъ епископовъ, и особенно въ житіи папы Мартина.

Д. А.

O. Wulff. *Neuerworbene Denkmäler altchristlicher Plastik im Kaiser-Friedrich-Museum.* Kunstgeschichtliche Gesellschaft. Sitzungsbericht. III. 1906. — Авторъ любезно сообщилъ мнѣ свой докладъ о новоприобрѣтенныхъ памятникахъ древне-христіанской пластики, пополнившихъ уже богатую коллекцію Берлинскаго «Kaiser-Friedrich-Museum», и приложилъ фотографическіе снимки съ нихъ, по которымъ можно ближайшимъ обра-

зомъ судить о новыхъ памятникахъ. Въ свое время я также дамъ отчетъ о новонайденныхъ разныхъ слоновыхъ костяхъ въ Россіи и въ другихъ мѣстахъ въ дополненіе къ публикуемымъ памятникамъ этого рода за границей. По смерти глубоко преданнаго этой области христіанскаго искусства Гревена, немногіе обращаютъ свое вниманіе на эту область. Къ числу ихъ, однако, должно причислить О. Θ. Вульфа. Онъ не только описалъ въ своемъ докладѣ новыя находки, но и ориентировался вполне въ ихъ научной цѣнности и вѣрно указалъ ихъ мѣсто въ средѣ аналогичныхъ памятниковъ. Такъ, пріобрѣтенный въ Александріи рѣзанный изъ сикоморы предметъ, отдѣланный сквознымъ рельефомъ, какъ группа съ изображеніемъ Артемиды и амуровъ, изъ которыхъ одинъ ѣдетъ верхомъ на гусѣ, отнесенъ имъ къ тому кругу рельефовъ съ античными мифологическими сюжетами, которые встрѣчаются на Аахенской соборной преградѣ. Равнымъ образомъ вѣрно угадана имъ принадлежность къ диптиху изъ Мурано (равенскій диптихъ) продолговатой пластины съ двумя ангелами, несущими вѣнокъ съ крестомъ внутри и двумя архангелами со сферами и крестами по концамъ ея. Теперь послѣ столь долгихъ усилій, наконецъ, одна изъ разрозненныхъ досокъ равенскаго Евангелиарія почти восстановлена за исключеніемъ недостающей боковой пластины. Очень вѣрно также сближаетъ авторъ рельефъ съ изображеніемъ Христа юнаго на тронѣ (фотогр. Муз. 905) и поклоненіемъ Ангеловъ кресту подъ нимъ съ композиціей Равенскаго диптиха. Повидимому, соответствующая этой пластинѣ центральная часть другой доски Евангелиарія пріобрѣтена Лондонскимъ Музеемъ въ 1904 году. На ней изображены тѣ-же композиціи и въ томъ-же стилѣ, что и на извѣстной, изданной мною Крауфордовой пластинѣ, принадлежащей къ равенскому Евангелиарію (Ср. Proceedings of the soc. of biblical archeology 1904). Теперь къ этимъ памятникамъ можно будетъ прибавить новый великолѣпный экземпляръ центральной части отъ Евангелиарія (такъ же разнятаго на части, неизвѣстно гдѣ находящіяся), оказавшейся въ Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. Въ скоромъ времени я издамъ эту замѣчательную пластину. Новонайденная пластина Равенскаго диптиха куплена, какъ говоритъ авторъ, «im Kunsthandel», т. е. повидимому неизвѣстно, откуда она происходитъ. Четвертый предметъ, купленный музеемъ, представляетъ часть мраморнаго рельефа, купленнаго въ Константинополѣ. На немъ изображены двое мальчиковъ въ туникахъ и рука третьей фигуры слѣва, гдѣ рельефъ обломанъ. Сюжетъ непонятенъ. Одинъ мальчикъ держитъ веревку, другой какъ бы замахивается мѣшкомъ (?). Рельефъ по стилю отнесенъ авторомъ къ V, VI вѣку.

Д. А.

Ludwig von Sybel. *Christliche Antike. Einführung in die altchristliche Kunst. Marburg.* 1906.

Всегда бываетъ интересно выступленіе специалистовъ классиковъ въ области изученія христіанскаго искусства. Такъ до сихъ поръ не потеряли своего значенія нѣсколько монографій Рауль-Рошетта о воспроиз-

веденныхъ христіанскимъ искусствомъ античныхъ типахъ, его «Картина римскихъ катакомбъ», равнымъ образомъ извѣстный спеціальный интересъ имѣла статья Свободы, писавшаго о раскраскѣ древне-христіанскихъ саркофаговъ, Коллинъона, прекрасно объясниващаго содержаніе и стиль изображеній мѣта объ Амурѣ и Психеѣ на христіанской почвѣ въ своей монографіи, посвященной изображеніямъ этого мѣта въ античномъ искусствѣ, Гартеля и другихъ, кончая нашимъ русскимъ специалистомъ по античному искусству Б. В. Фармаковскимъ, который не самостоятельно, а вслѣдъ за другими, правда, но все-же всецѣло высказался за эллинистическій характеръ византійскаго искусства.

Новое сочиненіе нѣмецкаго ученаго Зибеля отвѣчаетъ, повидимому, прямому, назрѣвшему интересу къ христіанскому искусству въ области античной археологіи. Книгу Зибеля прочтутъ многіе спеціалисты по исторіи, культурѣ и искусству античнаго міра и, надо сказать правду, врядъ-ли почувствуютъ къ христіанскому искусству большой интересъ, чѣмъ испытывали ранѣе, работая въ обширной области, замкнутой предѣлами античныхъ штудій. Путь, указанный работами Рауль-Рошетта, какъ онъ ни кажется примитивнымъ въ наше время, все-же имѣетъ то преимущество, что требуетъ прямыхъ аналитическихъ и сравнительныхъ штудій христіанскаго и античнаго языческаго искусства. На этой-же почвѣ стоятъ всѣ историки и изслѣдователи христіанскаго искусства въ наше время за исключеніемъ богословской школы католическаго Фрейбурга, все-же признающей важность этого метода, но изслѣдующей больше проявленія *disciplinae agnati* въ искусствѣ первоначальнаго христіанскаго міра. Авторъ вышедшаго въ свѣтъ «введенія въ христіанское искусство» (*sic: Einführung in die altchristliche Kunst*) отъ этого пути отступилъ. Какъ будто-бы впервые онъ рассказываетъ о началахъ христіанства, о его задачахъ, о религіи вообще и христіанствѣ въ частности и проч., задается вопросомъ о томъ, почему греки сдѣлались христіанами, чего хотѣлъ самъ Христосъ, вопросы, которые историкъ искусства привыкъ встрѣчать въ историческихъ и историко-литературныхъ трудахъ. Затѣмъ идетъ общеизвѣстный, хотя далеко не полный перечень матеріаловъ катакомбъ, по преимуществу римскихъ (по де Росси, Краусу и главнымъ образомъ Вильперту), описаніе катакомбъ, ихъ гробницъ, надписей, публикаціи, датировка времени. Наконецъ на стр. 751 находимъ рубрику: Система и идея росписей потолковъ, затѣмъ росписей стѣнъ и, наконецъ, разборъ по сюжетамъ: Парадизъ, Адамъ и Ева, и проч., въ предѣлахъ по преимуществу римскихъ катакомбъ по Вильперту, изрѣдка неапольскихъ. Авторъ высказываетъ трезвую, но совсѣмъ не новую и уже единогласно и давно принятую мысль, что христіанское искусство есть послѣдняя стадія античнаго и что поэтому его должно называть «христіанскимъ антикомъ». Настойчивость, съ которой онъ проводитъ эту мысль, заставляетъ сожалѣть о потерянныхъ усилияхъ. Она показываетъ, что авторъ находится еще на архаической ступени, самой начальной въ

области исторіи древне-христіанскаго искусства, когда слово «античный» опредѣляло до извѣстной степени общія свойства древне-христіанскаго искусства. вмѣстѣ съ тѣмъ, эта настойчивость показываетъ, что авторъ не знакомъ съ тѣмъ огромнымъ движеніемъ въ области христіанской археологіи и исторіи христіанскаго искусства, которое началось съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія и дало поразительные результаты въ послѣдніе годы. Теперь уже мало говорить объ античномъ характерѣ древне-христіанскаго искусства, а нужны спеціальныя указанія и разработка каждаго древне-христіанскаго сюжета, изображенія, образа, цѣлой росписи въ связи съ античными, но не вообще, а уже, по стилю, по странамъ, по народностямъ и мѣстамъ процвѣтанія христіанскаго искусства на мѣстахъ древне-языческаго, и Вильпертъ съ его богословскимъ сумбуромъ здѣсь не помощникъ. Приемы автора въ изслѣдованіи христіанскаго искусства всё ограничены общеизвѣстными и достаточно потертыми отъ обращенія данными. Такъ говоря о парадизѣ и его исторіи отъ времени вавилонскихъ царей и до нашихъ дней онъ указываетъ на то, что изображенія парадизовъ въ христіанской живописи (т. е. по автору въ катакомбахъ) нѣтъ, а есть лишь намеки на нее. Это правда, но вопросъ о парадизахъ автору очевидно не знакомъ, такъ какъ рѣшетку въ капеллѣ Океана (катакомбы Калликста), изображенную на одной изъ стѣнъ, онъ считаетъ за деталь парадиза, между тѣмъ какъ эта рѣшетка и открытыя рѣшетчатыя наружу двери представляютъ въ сущности какъ бы входъ въ кубикулъ и никакого отношенія къ парадизу не имѣютъ, такъ какъ за рѣшеткой не изображено ни деревьевъ, ни зелени. Эти послѣднія детали авторъ могъ бы встрѣтить въ домѣ Іоанна и Павла, но онъ не упоминаетъ о росписи этого дома, не говоря уже объ изображеніяхъ въ мозаикахъ V, VI вѣка и въ рукописяхъ. Говоря объ Іонѣ авторъ правда отмѣчаетъ его подобіе съ Эндиміономъ, когда онъ спитъ, но забываетъ провести аналогію съ античнымъ Меркуріемъ, когда Іона сидитъ. Важнѣе, однако, не это, а то, что отъ автора совершенно ускользнулъ характеръ эллинистическаго жанра въ композиціяхъ изъ жизни Іоны съ бросаніемъ въ пасть кита. Онъ отмѣчаетъ уже давно извѣстный фактъ, что китъ напоминаетъ въ этихъ композиціяхъ чудовище, стерегшее Андромеду, но его не поражаетъ тотъ фактъ, что Іона, равно какъ и его спутники изображаются въ видѣ античныхъ обнаженныхъ амуровъ поздней живописи эллинистическаго періода, вслѣдствіе чего у автора нѣтъ и намекъ на классификацію родовъ живописи, не говоря уже о томъ, что имъ совершенно не выполнена задача изученія системъ росписей хотя бы однихъ римскихъ катакомбъ. Онъ жалѣетъ, что о катакомбной живописи не высказался знатокъ Помпей и ея живописи Мау, но разъ Мау помогалъ Вильперту, о чемъ послѣдній ясно упоминаетъ, то, конечно, вина Вильперта, что онъ не разработалъ своего матеріала по принципамъ Мау, а затѣмъ напрасны и сѣтованія Зибеля, занявшагося «христіанскимъ антикомъ» и тоже оставившаго въ сторонѣ

эту важную задачу. Приступивъ къ ея исполненію онъ нашелъ бы и рядъ сочиненій, разрабатывавшихъ вопросы, касающіеся системы настѣнныхъ росписей въ христіанскихъ катакомбахъ и храмахъ и не остался бы при общихъ сужденіяхъ ничего новаго не дающихъ, кромѣ старыхъ избитыхъ положеній объ античномъ характерѣ расчлененія и сочиненія росписей стѣнъ и потолковъ. До какой степени чуждъ автору этотъ новый аналитико-сравнительный путь показываетъ крайне характерный случай или эпизодъ въ его работѣ. Онъ находитъ, что изображенія апостоловъ Петра и Павла въ катакомбѣ Марцеллина и Петра *индивидуализированы*: «Aus der Zahl der Apostel wurden Petrus und Paulus herausgehoben und individualisiert; damit begann eine Entwicklungsreihe, Differenzierung der Apostel... usw.» (р. 283). Это обычная точка зрѣнія очень старой христіанской археологіи, державшейся точки зрѣнія новаго созданія христіанскаго искусства, а не взгляда на него, какъ на христіанскій антикъ. Въ христіанскихъ катакомбахъ Рима найдено нѣсколько настоящихъ портретовъ умершихъ лицъ, исполненныхъ живописно, и написанныхъ въ родѣ и стилѣ помпеянскихъ портретовъ, портретовъ Файюмскихъ и другихъ подобныхъ памятниковъ. Хотя автору и извѣстно существованіе найденнаго въ римскихъ катакомбахъ медальона съ портретно выполненными въ профиль головами Петра и Павла, но этотъ фактъ также ничего не говоритъ автору болѣе того, что заключается въ его приведенной фразѣ. Онъ думаетъ все же, что началось постепенное индивидуализированіе, а не прямое перенесеніе въ область христіанскаго искусства свойствъ античнаго портрета, давно существовавшаго. Головы апостоловъ Петра и Павла въ катакомбѣ Марцеллина и Петра, именно, тѣмъ и интересны, что написаны въ родѣ и стилѣ античнаго портрета, но крайне грубо и плохой кистью. Здѣсь сказалась древняя художественная, но уже испорченная традиція портретной живописи, а не попытка къ индивидуализированію.

Таковъ по исполненію и по методамъ первый томъ. Постановка вопроса о христіанскомъ искусствѣ и его отношеніи къ античному по существу не выполняется. Остается по прежнему неяснымъ и для спеціалиста по античному искусству и для христіанскаго археолога, почему въ катакомбной живописи встрѣчаются такіе роды живописи, какъ портретъ, пейзажъ, историческая композиція на ряду съ самыми общими упрощенными формами настѣннаго шаблоннаго письма и цѣлыхъ росписей. Авторъ какъ будто даже и не догадывается, что катакомбы христіанскія методологически уже стали разсматриваться наряду съ разными иными катакомбами и что по нимъ нельзя составить себѣ понятія обо всемъ искусствѣ древне-христіанскаго времени, точно такъ же, какъ нельзя составить представленія о живописи поздняго антика по росписямъ римскихъ колумбаріевъ. Методологически онъ занимается не тѣмъ предметомъ, о которомъ гласитъ заглавіе его книги, и христіанскаго антика въ ней такъ-же мало, какъ и у Вильперта. Авторъ, оперируя надъ живописью римскихъ катакомбъ, не съузилъ своего изслѣдованія, не поставилъ его

въ надлежащія рамки систематическаго анализа и изученія. Между тѣмъ работа эта уже во многомъ сдѣлана изслѣдователями собственно христіанскаго искусства, въ послѣднее время особенно сосредоточившими свои занятія на сравнительномъ изученіи его съ античнымъ. Ссылокъ на труды этихъ ученыхъ у автора нѣтъ.

Д. А.

Πέτρος Λούβαρις, Τὰ ἐν Ἱεροσολύμοις Κωνσταντινεῖα οἰκοδομήματα καὶ ὁ Γολγοθᾶς ἐπιμνηστικῶ τοῦ Δ' αἰῶνος (Νέα Σιών. Т. II, 1905, р. 146—163 и сл.).—Авторъ со знаніемъ дѣла и полнотой излагаетъ вопросъ о значеніи изображенныхъ на мозаикѣ церкви св. Пуденціаны зданій и Голгоеской скалы и знаетъ почти всю литературу предмета, теперь значительную. Онъ ошибается только въ томъ, что г. Леонъ Гре и Гризаръ были самостоятельны въ своихъ изслѣдованіяхъ. Не знаю, какъ Л. Гре, но Гризаръ самъ отказался отъ самостоятельности въ своей «Исторіи Рима». Равнымъ образомъ, врядъ-ли можно признать правильнымъ, что на правой сторонѣ мозаики ц. св. Пуденціаны изображенъ храмъ на Елеонской горѣ, какъ полагаетъ Гре. Свѣдѣніе св. Амвросія, что «Dominus secundum colli tractum in Venerario passus est, qui erat locus in latere aquilonis» (Enarr. in psalm. 47, Patr. lat. t. XIV), сходится съ другими данными, сообщаемыми Иеронимомъ и Бордосскимъ путникомъ и указываетъ на Голгоѳу. Также точно я нигдѣ не говорю, что діаконы *сидятъ* во время поклоненія Честному Древу (313), если же и говорю, что Христосъ сидитъ съ апостолами «на подобіе того какъ сидятъ епископы и діаконы», то подразумеваю описанный Сильвіей обрядъ внутри церкви, Мартирія, а не во время поклоненія Честному Древу. Авторъ подробно передаетъ содержаніе моей статьи «Голгоѳа и Крестъ въ мозаикѣ IV вѣка» и пользуется данными другой статьи о расположеніи Константиновыхъ построекъ, но почему-то думаетъ, что я не остановился на болѣе правильномъ объясненіи зданія направо отъ голгоеской скалы. Ему кажется, что это можетъ быть Константинова базилика или Мартиріумъ. Рѣшительныхъ данныхъ въ пользу такого объясненія этого зданія базиликой Мартирія я не вижу и теперь, какъ не видѣлъ и тогда, и рѣшилъ лучше ждать, пока какія нибудь новыя данныя не объяснятъ положительно этого зданія, испорченнаго, повидимому, реставраціями, о чемъ и высказался тогда же крайне опредѣленно.

А. Muñoz. *Sculture byzantine* (Nuovo Bullettino di Arch. crist. 1906, № 1—2, р. 107—121).—Авторъ издаетъ нѣсколько рельефовъ Оттоманскаго Музея разнаго времени и разной техники. Древнѣйшій рельефъ, повидимому, отъ амвона представляетъ доску бѣлаго мрамора съ высѣченными изящнымъ рельефомъ фигурами трехъ отроковъ въ печи и Ангела между ними. Рѣзба удлиненныхъ стройныхъ фигуръ съ небольшими конечностями даетъ отличный примѣръ традицій греческаго малоазійскаго рельефа V вѣка. Доска найдена въ Джіубали Капуси. Другой рельефъ плоскій по исполненію и довольно грубый, также съ изображеніемъ трехъ отроковъ въ печи, принадлежитъ къ болѣе позднему времени, но не

позднѣ VI вѣка. Я сравнилъ бы этотъ рельефъ по стилю съ Равенскимъ диптихомъ, на которомъ тѣ-же тонкія фигуры и, главное, тѣ-же языки пламени, хотя мраморный рельефъ значительно грубѣе. Любопытна также часть мраморной доски съ изображеніемъ воскресенія Лазаря. Сохранилась нижняя часть фигуры Спасителя съ протянутой правой рукой (безъ жезла) и фигура Лазаря въ видѣ муміи, стоящая между двухъ колонокъ героума, верховъ котораго не сохранилось. Плоская рѣзба. На мой взглядъ этотъ рельефъ позднѣ Берлинскаго съ изображеніемъ Моисея, получающаго заповѣди. Онъ отличается особенной плоскостью исполненія, забвеніемъ традицій античнаго рельефа и переходомъ къ малоазійскимъ восточнымъ плоскимъ рельефамъ. Онъ не ранѣ VII—VIII вѣка, какъ я думаю. Другіе рельефы принадлежатъ къ X—XIII вѣку. Между послѣдними особенно интересенъ рельефъ съ изображеніемъ двухъ воиновъ въ кольчугахъ, остроконечныхъ шлемахъ и съ мечами (но не саблями). Одинъ держитъ щитъ, повидимому, круглый. Характеръ рѣзбы очень плоской и грубой, не умѣющей передать правильно человѣческой фигуры, тѣмъ не менѣе крайне выразителенъ. Внѣ всякаго сомнѣнія здѣсь представлены два варяга. На X—XI столѣтіе указываетъ характеръ дерева, изображеннаго справа. Стилъ этого дерева повторяетъ растительныя формы, столь извѣстныя въ орнаментѣ русскомъ и византійскомъ въ заставкахъ и плетеныхъ буквахъ. Авторъ обѣщаетъ начать изученіе римскихъ саркофаговъ, какъ матеріала для исторіи искусства, а не только археологии. Эту цѣль можно прямо прі-вѣтствовать. Давно пора. Въ Римѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, римскому ученому можно приняться за эту работу.

Д. А.

A. Baumstark. *Palaestinensia* (Röm. Quart. N. IV 1906). — Въ этомъ выпускѣ авторъ заканчиваетъ обзоръ живописныхъ памятниковъ, имъ видѣнныхъ (ср. R. Q. стр. 123—149) въ монастыряхъ и библіотекахъ Палестины. Очеркъ отличается интересомъ и новизной данныхъ, хотя не во всѣхъ случаяхъ авторъ точно обозначаетъ описываемые имъ живописные памятники (въ церкви какой не сказано) въ Абу-Решѣ, Вилеешѣ, Лаврѣ «*τοῦ Χοζῖβας*» и др. Особенно подробно описана живопись монастыря св. Саввы. Авторъ также видѣлъ значительное количество рукописей съ миниатюрами въ библіотекѣ св. Гроба Господня, св. Саввы, описал нѣкоторыя миниатюры этихъ рукописей и далъ нѣсколько фототипическихкихъ снимковъ, впервые дающихъ понятіе болѣе ясное о стилѣ миниатюръ Совершенно вѣрно на нашъ взглядъ онъ сравнилъ стилъ нѣкоторыхъ миниатюръ со стилемъ сирійскихъ, коптскихъ и раннихъ средневѣковыхъ (Тaf. VIII, 3) рукописей. Его очеркъ послужитъ во многихъ отношеніяхъ хорошимъ дополненіемъ къ оставшемуся ему неизвѣстнымъ описанію рукописей Н. П. Кондакова въ его сочиненіи «Археологическое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ» (гл. V, 272—284), и къ описанію А. И. Пападопуло-Керамевса въ его каталогѣ Иерусалимской библіотеки. Авторъ входитъ иногда въ ближайшее изученіе памятниковъ, но здѣсь, къ сожалѣнію, ему не всегда

удается анализъ. Упомяну, между прочимъ, описаніе погруднаго изображенія Богородицы — «*Maria orans mit vor ihr stehendem Jesusknaben*» (р. 159), не дающее яснаго представленія о томъ, что изображено на фрескѣ. При описаніи фресокъ Вилеемской церкви онъ не ссылается на Тоблера, *Bethlehem u. seine Umgebung*, въ которомъ эти фрески описаны. Ему осталось неизвѣстнымъ описаніе монастыря св. Саввы, сдѣланное Цагарелли въ сборникѣ *Прав. Палест. Общества* вып. 10 (Памятники Грузинск. старины въ Святой землѣ и на Синаѣ).

Не безъ горечи приходится читать обвиненіе, брошенное имъ покойному епископу Порфирию Успенскому, который вырѣзалъ лучшія миниатюры изъ кодексовъ *Миней библии* св. Саввы (63 и 208) и св. Креста (88), чтобы увезти ихъ въ Петербургъ. Однако, нѣкоторыя вырѣзанныя миниатюры я видѣлъ въ христіанскомъ отдѣленіи Румянцевскаго Музея въ Москвѣ.

Д. А.

Kaufmann. Neue Funde in der Menasstadt (Karm Abum) (Röm. Quart. N. IV, p. 189—204).—Я имѣю только этотъ краткій отчетъ самого автора раскопокъ въ городѣ св. Мины, такъ какъ еще не получилъ его изданія: *Die Ausgrabungen d. Menas-Heiligthümer in der Mareotis Wüste. Cairo 1906.* Однако, и нѣсколько страницъ этого отчета съ приложенными къ нему рисунками и планомъ базилики и келій даютъ возможность составить представленіе о важности раскопокъ и найденныхъ предметовъ. Краткія упоминанія о раскопкахъ были сдѣланы въ предыдущихъ №№ *Römische Quart.* (1905, р. 224; 1906, р. 83), гдѣ и была опубликована Вильпертомъ лампа съ изображеніемъ мученичества св. Фекды (р. 86 f.), найденная въ развалинахъ. Длинный планъ всего святилища состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: базилики, святилища св. Мины съ его гробницей и крещальни. Всѣ три части этого комплекса отличаются крайне важными подробностями въ планѣ (крестообразная базилика, октагонъ-баптистерій) и въ конструкціи стѣнъ, на которыя придется еще обратить вниманіе въ послѣднемъ выпускѣ древностей Херсонеса, имѣющихъ важное значеніе для періода V, VI столѣтія, особенно для различныхъ формъ храмовъ, извѣстныхъ въ Африкѣ. Интересны также большая мраморная лѣстница, ведшая, повидимому, къ подземной гробницѣ святого Мины, развалины октагона баптистерія съ его базами и частями колоннъ *in situ*, а также особенно мраморный рельефъ, представляющій св. Мину въ видѣ оранта съ воздѣтыми вверхъ руками и двумя верблюдами, павшими на землю по сторонамъ — композиція общеизвѣстная на ампулахъ св. Мины и на одномъ рельефѣ изъ слоновой кости. Авторъ предполагаетъ, что этотъ рельефъ представляетъ близкое воспроизведеніе статуи св. Мины, о которой говоритъ одинъ арабскій географъ, поклонившійся гробницѣ св. Мины.

Д. А.

M. Charles Palanque, Rapport sur les recherches effectuées à Baouît en 1903 par Ch. P. (Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale, publié sous la direction de M. E. Chassinat. T. V. Le Caire 1906).—Я уже

указывалъ на результаты раскопокъ некрополя въ Бавингѣ, произведенныхъ г. Кледа въ 1901—2 годахъ (см. Виз. Врем. Т. XII, 1905). Появившійся краткій отчетъ о раскопкахъ 1903 года не менѣе важенъ по результатамъ, хотя раскопки велись несистематически и ничего дѣльнаго не представляли, ограничившись лишь сѣверной частью (мѣстомъ между двумя капеллами, открытыми въ 1902 году) и южной частью некрополя въ кучахъ мусора, происшедшаго вслѣдствіе варварскаго выкапыванія почвы искателями древностей.

Въ сѣверной части среди бѣдныхъ капеллъ найдена роскошная капелла съ мраморными колоннами и капителями коринтскаго ордена съ бассейномъ внутри, въ видѣ базы изъ бѣлаго мрамора (tab. III). Въ капеллѣ первой въ южной ея части найденъ рельефъ изъ обычнаго мягкаго туфа съ изображеніемъ двухъ львовъ по сторонамъ вѣнка съ бюстомъ, характерный по своему стилю коническихъ рельефовъ Каирскаго Музея. На стѣнѣ у входа нашлась фреска съ надписью (Μα)κάριος—... Святой держитъ въ лѣвой рукѣ ладоницу, а въ правой кадило, которымъ кадитъ (tab. IV).

Въ южной части некрополя открыто до сорока капеллъ, изъ которыхъ двѣ сохранили отличныя фрески, очень внимательной работы и яркаго цвѣта, крайне важныя по стилю, указывающему на VI—VIII столѣтія по Р. Хр. т. е. на эпоху до иконоборства (tab. V—VI). Надписи, находящіяся около каждой фигуры, повидимому, изданы неправильно (ср. ἀρχωντωνъ вмѣсто ἄρχων τῶν). Стѣны заняты изображеніями святыхъ въ ростъ (tab. V) и по грудь: (ἡ ἀγία ἐκκλησία съ большой книгой въ коронѣ), св. Аколуѣ, св. Киприанъ, затѣмъ святые жены и мужи, и въ средѣ ихъ Архангелъ Рафаилъ въ лоромѣ, съ мѣриломъ въ правой и шаромъ въ лѣвой рукѣ — фигура какъ бы повторенная въ мозаикахъ Никейской церкви Успенія Богородицы. Наконецъ, въ нишѣ юго-восточной части капеллы — изображеніе Богородицы-оранты среди апостоловъ и другія изображенія, какъ-то птицы, орнаменты и растенія. Послѣднія украшаютъ нижнія части расписныхъ стѣнъ и занимаютъ цоколь. Крайне интересна капитель изъ туфа, украшенная въ верхней части крестомъ, расположеннымъ надъ птицей съ распущенными крыльями — мотивъ обычный въ коптской скульптурѣ V—VI вѣковъ.

Текстъ, представляя лишь прагматическое описаніе раскопокъ, не даетъ никакихъ данныхъ для болѣе детальнаго научнаго изученія фресокъ, хотя, повидимому, достаточно хорошо сохранившаяся надпись на южной стѣнѣ содержитъ дату и имя строителя капеллы. На стѣнахъ встрѣчено также значительное количество граффитти и каррикатурныхъ рисунковъ людей, животныхъ, скорпіона, фантастическихъ существъ(?) и пловца въ лодкѣ. Въ землѣ найдено значительное количество амфоръ, украшенныхъ орнаментами съ марками или печатами въ видѣ буквъ, словъ, также мѣдное кадило плохой сохранности.

Д. А.

В. В. Стасовъ. *Серебряное восточное блюдо Императорскаго Эрмитажа.* СПб. 1904.—Статья въ 76 стр. съ 44 рисунками въ текстѣ и одной таблицей. Нашъ покойный ученый вновь пересматриваетъ вопросы о мѣстѣ и времени происхожденія извѣстнаго серебрянаго блюда Императорскаго Эрмитажа, которое найдено было въ Пермскомъ краѣ, около села Григорьевскаго, Соликамскаго уѣзда, при раскопкѣ пашни. Описанное и изслѣдованное подробно Д. А. Хвольсономъ, Н. В. Покровскимъ и Я. И. Смирновымъ (см. Матеріалы по Арх. Россіи. изд. Императорской Археолог. Коммиссіей № 22: «Серебряное Сирійское блюдо, найденное въ Пермскомъ краѣ». СПб. 1899) это блюдо, по мнѣнію В. В. Стасова, требуетъ новаго изученія съ историко-археологической, а его надписи съ палеографической сторонѣ. Онъ печатаетъ весьма интересную статью П. К. Коковцова о сирійскихъ надписяхъ блюда, а самъ подробно изслѣдуетъ многія особенности стилиа и иконографіи этого крайне интереснаго памятника.

Въ своей статьѣ о сирійскихъ надписяхъ блюда, написанной по просьбѣ автора, П. К. Коковцовъ чрезвычайно обстоятельно разобралъ палеографію и транскрипцію надписей и пришелъ къ очень интереснымъ и достаточно опредѣленнымъ выводамъ. Палеографическія данныя, по его мнѣнію, не даютъ никакой возможности судить о времени этихъ надписей, но присутствіе курсивныхъ начертаній не говоритъ въ пользу большой ихъ древности. Исполненіе надписей—небрежно, у писца замѣтно отсутствіе навыка и извѣстной опытности въ сирійскомъ письмѣ. Возможно, что писавшій былъ родомъ не сиріецъ-семиць, а инородецъ. Въ немъ скорѣе всего слѣдовало бы признать ближайшаго родича писцовъ тюрковъ семитическихъ агро-несторіанскихъ надписей, т. е. лицо тюркскаго происхожденія (стр. 14).

Вмѣстѣ съ тѣмъ П. К. Коковцовъ сдѣлалъ одно крайне важное замѣчаніе въ надеждѣ, что оно можетъ имѣть значеніе для специалистовъ при рѣшеніи вопроса о происхожденіи блюда. Оно заключается въ слѣдующемъ: Изобразивши Даниїла между двумя львами, мастеръ помѣстилъ надъ однимъ львомъ надпись «арья» («левъ»), а надъ другимъ, въ наклонномъ положеніи (т. е., очевидно, съ цѣлью показать, что надписаніе собственно относится къ изображенной вправо отъ льва человѣческой фигурѣ такое лаконическое и короткое надписаніе «Даниїль». П. К. Коковцовъ считаетъ положительно непонятнымъ, почему нельзя было здѣсь мастеру сдѣлать надписаніе вродѣ «Даниїль со львами» или «Даниїль и львы» и т. п., какъ это, на примѣръ, сдѣлано при изображеніи отрѣченія Петра.

Д. А.

Ph. Lauer. *Le trésor du Sancta Sanctorum.* Fondation Eugène Piot. Paris. 1906.—Такія удивительныя находки бывають рѣдко. По свидѣтельству Іоанна діакона, историка Латерана въ XII вѣкѣ, папа Левъ III (795—816) положилъ въ одной изъ капеллъ Латерана драгоценныя реликвіи. Капеллу эту онъ называетъ Sancta Sanctorum и подробно описываетъ

драгоценные кресты и ларцы со священными реликвіями. Капелла сохранилась въ цѣлости до нашего времени, несмотря на то, что всѣ основныя части Латеранскаго дворца были измѣнены перестройками XVI — XVIII столѣтій, но была закрыта и не открывалась со времени папы Льва X (1513—21). Алтарь со шкафомъ, содержащимъ реликвию, былъ открытъ лишь въ 1903 году по просьбѣ Флоріана «Jubaги», занимавшагося житіемъ св. Агнесы, часть мощей которой хранилась въ Sancta Sanctorum. Г. Лауеру удалось выхлопотать разрѣшеніе на изданіе сокровищъ Sancta Sanctorum, и они явились въ свѣтъ въ описаніяхъ нашего автора и римскаго ученаго Гризара (*Civiltà Cattolica*, 1906, Т. II, III, IV, послѣднее мѣтъ пока недоступно).

Авторъ издаетъ цѣликомъ роспись капеллы, восходящую по его мнѣнію къ XII в., но реставрированную и вновь переписанную въ XVI столѣтіи. Благодаря ему также впервые явился въ изданіи извѣстный нерукотворенный образъ Спаса, тотъ самый, который папа Стефанъ (752—757) понесъ босой къ церкви S. Maria Maggiore для отвращенія опасности отъ Рима, которому угрожалъ Аистульфъ. Къ сожалѣнію, фототипія, хорошо изображающая кивотъ иконы, не даетъ яснаго изображенія самаго образа. Авторъ, однако, имѣлъ возможность осмотрѣть икону въ собраніи Корсини до ея перенесенія въ Латеранъ и говоритъ подробно о своемъ осмотрѣ. Отъ иконы виденъ одинъ ликъ (но такъ и должно быть, прибавлю я, ибо образъ нерукотворенный), грубо написанный. Приподнявши часть металлической окладъ, онъ увидѣлъ доску, покрытую грубой тканью въ родѣ канвы (*d'un canevas grossier*), поверхъ которой находилась болѣе тонкая ткань розоваго цвѣта (*un tissu fin gris rosé*), на которой находится изображеніе. Авторъ полагаетъ, что живопись лика была реставрирована въ XVI вѣкѣ, но не даетъ ближайшихъ указаній, почему такъ думаетъ. Указаніе на двойныя контуры чертъ лица не провѣряется на фототипіи. Этотъ образъ папой Александромъ былъ покрытъ сверху прозрачнымъ шелкомъ, такъ какъ «*attentius intuentibus tremorem cum mortis periculo inferret*». Мелі (*L'image du Christ du Sancta Sanctorum et les reliques chrétiennes apportées par les flots* въ *Mém. de la Société des Ant. de France*, t. LXIII, p. 113—14) сдѣлалъ предположеніе, что этотъ образъ могъ быть тотъ самый, который упоминается въ хроникѣ Амартола (около 890 г.), какъ сброшенный иконокластами съ мѣдныхъ воротъ, былъ спасенъ (по приказанію патріарха Германа) и приплылъ по морю въ Римъ. Типическія черты лика, особенно рѣзко выраженная величина глазъ, замѣтная на неудачномъ рисункѣ, равно какъ и восточный типъ, даютъ возможность видѣть въ данномъ образѣ одинъ изъ прототиповъ столь распространенныхъ убрусовъ (*ἄγιον μανδύλον*) въ средніе вѣка.

Когда была открыта желѣзная рѣшетка, упали замки, отъ которыхъ были потеряны ключи, когда открыли бронзовую дверь XIII вѣка, за которой находилась *arca cypressina* (Іоаннъ дьяконъ), *capsa de cypresso*

Льва III, можно было убѣдиться, что шкафъ стоитъ въ цѣлости. На немъ оказалась надпись Льва III, удостовѣряющая его подлинность.

+ LEO INDIGNVS

SCA
SCO RV

 TERTIVS EPISCOPVS
DI FAMVLVS FECIT

Шкафъ сохранился въ полной цѣлости и самъ представляетъ замѣчательный памятникъ древности, но формѣ близко напоминающій изображение поставца съ книгами въ мозаикѣ усыпальницы Галлы Пластидіи въ Равеннѣ. Разныхъ украшеній на немъ, за исключеніемъ зубчатаго бордюра въ видѣ амулетовъ, нѣтъ. Онъ имѣетъ двѣ полки. Каждая закрывается двустворчатыми дверцами. Шкафъ, несомнѣнно, былъ вставленъ внутрь алтаря ранѣе. чѣмъ алтарная доска была на него положена, такъ какъ шкафъ оказался придавленнымъ такъ крѣпко, что сдвинуть его съ мѣста оказалось невозможнымъ. Внутри шкафа оказались слѣдующіе замѣчательные предметы, не всегда съ должной тщательностью описанные авторомъ.

1) Покрытый золотомъ и эмалями крестъ-реликвіарій, лежавшій внутри серебряной чеканной четырехугольной пиксиды съ выдвигной крышкой. Этотъ замѣчательный крестъ описанъ повидимому діакономъ Іоанномъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «*Et in alia capsâ argentea et deaurata cum historiis est crux de smalto depicta, et infra capsam illam est crux domini nostri Jesu Christi*». На оборотной сторонѣ нашлось приспособленіе отъ находившагося здѣсь креста Честного Древа. Эмалевая облицовка лицевой стороны состоитъ изъ пяти табличекъ, прикрѣпленныхъ къ четыремъ вѣтвямъ креста и къ его средней части. Вверху находится Благовѣщеніе (безъ вертепа), ниже встрѣча Маріи и Елизаветы, но не цѣлованіе, а *adogatio*, такъ какъ обѣ держатъ руки, какъ въ денсусѣ, и наклоняются одна къ другой. Въ центрѣ креста Рождество Христово въ обычномъ ранне-византійскомъ переводѣ съ лежащей Богородицей, волонъ и ослонъ, купаніемъ младенца и сидящимъ въ задумчивости Іосифомъ (справа). На лѣвой вѣтви креста находится Путешествіе въ Вилеємъ съ Іосифомъ, идущимъ за муломъ и протягивающимъ руку къ Богородицѣ, какъ бы запрещающимъ говорить «неразумныя слова» (*superflua verba*) послѣ того какъ Богородица заявила, что она видитъ плачущіе и смѣющіеся народы, какъ на Строгановской пластинѣ отъ Равеннакаго диптиха (*Pseudo-Matth. Evang. ed. Tischendorf, p. 76—77*). Впереди видна фигура ангела въ бѣлыхъ одеждахъ, останавливающаго мула. На правой вѣтви креста — поклоненіе волхвовъ, важное тѣмъ, что первый волхвъ падаетъ на колѣно, какъ и на ампулахъ изъ Монцы и въ мозаикѣ, описанной Хорикіемъ Газскимъ. Подъ Рождествомъ находится Срѣтеніе крайне интересное своимъ сходствомъ съ фрагментомъ этой композиціи въ Голенищевской рукописи хроники Барбара, такъ какъ возстанавливаетъ фигуру Богородицы съ младенцемъ, котораго она въ обояхъ случаяхъ несетъ совершенно одинаково. (Ср. Виз. Врем., т. XII, 1905, рецен-

зію на соч. Adolf Bauer'a и Strzygowski, Eine Alexandrinische Weltchronik). За Богородицей видна здѣсь, однако, фигура Анны пророчицы, а за Симономъ, повидимому, народъ. Подъ Срѣтениемъ находится Крещение въ переводѣ почти буквально повторенномъ на Голенищевской египетской части триптиха. Особенности стиля эмалей до такой степени родственны чертамъ этого послѣдняго памятника, что эмали скорѣе всего придется признать за сиро-египетское произведение, но никакъ не средневѣковое западное. Равнымъ образомъ кругъ сюжетовъ и ихъ детали требуютъ отнести крестъ скорѣе къ VII, чѣмъ къ VI столѣтію.

Не менѣе важнымъ памятникомъ древности является и ящикъ, въ которомъ хранится этотъ крестъ. Авторъ предполагаетъ, что композиціи, украшающія ящикъ, «ясно скопированы съ композиціи креста», что, однако, никакъ нельзя признать въ виду отличій, которыя замѣтны въ составѣ тѣхъ и другихъ композицій, равно какъ и потому, что обычное повтореніе этихъ композицій на множествѣ другихъ памятниковъ разнаго времени и мѣста происхожденія заставляеть поставить вопросъ не о копированіи, а о широкомъ распространеніи въ искусствѣ средних вѣковъ разбираемыхъ композицій. Этотъ ящикъ явно изобличаетъ свою болѣе позднюю фактуру и значительное сходство съ памятниками карловингской эпохи, но болѣе архаичными изъ нихъ, на которыхъ однако уже встрѣчаются утонченныя до чрезвычайности конечности (руки, ноги), плохое воспроизведеніе византійскаго оригинала и крайне грубая техника. Здѣсь же встрѣчается женская фигура (служанки), присутствующая при Благовѣщеніи, Цѣлованіи (Марія и Елизавета обнимаются) и поклоненіи волхвовъ и Срѣтеніи, какъ на карловингскихъ слоновыхъ костяхъ. Возникновеніе этого ящика можно, мнѣ кажется, отнести къ VIII—IX вѣку. Авторъ отмѣчаетъ какъ особенность изображенія овецъ около пастуховъ въ композиціи видѣнія ими звѣзды, но это обычная деталь, извѣстная еще на саркофагахъ, ампулахъ изъ Монцы и на многихъ раннихъ слоновыхъ костяхъ, но въ болѣе жизненныхъ и разнообразныхъ позахъ, играющихъ козъ и овецъ, которыя бодаются и пасутся рядомъ. На крышкѣ изображенъ Христосъ съ Евангелиемъ, сидящій на тронѣ съ подножіемъ. Ниже находятся четыре райскія рѣки въ видѣ четырехъ ручейковъ по два направо и налево отъ кружка съ точками, который въ композиціяхъ Рождества, Срѣтенія, Поклоненія волхвовъ и видѣнія пастырями звѣзды представляетъ Виолеемскую звѣзду. По сторонамъ Христа стоятъ апостолы Петръ и Павелъ. Вверху надъ фигурами апостоловъ два медальона съ погрудными изображеніями ангеловъ съ мѣрилами въ рукахъ. На боковыхъ сторонахъ ящика: Благовѣщеніе, Цѣлованіе, Рождество Христово, Поклоненіе волхвовъ (все идутъ), Срѣтеніе и видѣнія пастырямъ звѣзды, которую онъ показываетъ волхвамъ, вышедшимъ изъ города. На второй боковой сторонѣ—Агнецъ, стоящій на ровномъ мѣстѣ, и 4 символа Евангелистовъ съ книгами по сторонамъ (торсы ихъ).

2) Другой крестъ также ясно описать Іоанномъ дьякономъ: «In (prima)

capsa est crux de auro purissimo adornata gemmis et lapidibus pretiosis, id est hyacintis et smaragdis et prasinis. In medio cruce est umbilicus et preputium Circumcisionis Domini nostri Jesu Christi; et desuper est inuncta balsamo». Этотъ крестъ также представляетъ собою реликвиарій, украшенный драгоценными камнями и простѣйшимъ ободкомъ эмали, представляющимъ ряды арокчекъ. На обратной сторонѣ его вѣтви представляютъ углубленія, также усаженные драгоценными камнями. Боковые лоточки, огибающіе углубленія на трехъ вѣтвяхъ креста, оказались вскрытыми, такъ что явственно видны слѣды разрѣза острымъ орудіемъ. Центральный лоточекъ, однако, какъ и верхняя вѣтвь сохранились въ цѣлости.

Извѣстно, что пупокъ и крайняя плоть обрѣзанія Христова были показываемы въ разныхъ мѣстахъ въ разное время и что въ 1856 году *umbilicus* (пупокъ) найденъ былъ въ Charroux.

Крестообразная серебряная хранительница креста была сдѣлана по заказу папы Пасхалія I (817—824), какъ показываетъ надпись и стиль изображеній, украшающихъ ее: «*Paschalis episcopus plebi Dei fieri jussit*». Эта «ставротека» по своимъ композиціямъ должна будетъ занять видное мѣсто среди памятниковъ VIII—IX вѣка, главнымъ образомъ потому, что крайне близка къ наиболѣе архаичнымъ памятникамъ торевики и рѣзьбы на слоновой кости. Только нѣкоторыя фигуры, какъ-то Богородицы, отчасти Христа имѣютъ здѣсь уже строгій иконописный характеръ византійскаго искусства этого времени, другія фигуры крайне близкó повторяютъ позы, движенія и типы раннихъ оригиналовъ, при чемъ Христосъ во всѣхъ композиціяхъ чудесъ является юнымъ, въ сценахъ страстей бородатымъ, какъ и въ мозаикахъ ц. св. Виталія въ Равеннѣ, а на бракѣ въ Канѣ держитъ въ рукѣ жезлъ, которымъ претворяетъ воду въ вино, касаясь сосудовъ типа дверей св. Сабины въ Римѣ. Болѣе позднюю эпоху, чѣмъ VI вѣкъ, выдаетъ особенно грубая рѣзьба, очень сухая, плоскія фигуры и бѣдная техника, утерявшая свѣжесть античнаго рельефа, еще слишкомъ замѣтную въ памятникахъ VI вѣка. Ровныя линіи, заканчивающія одежды у ногъ, или полукруглыя, обводящія складки одеждъ на груди, отсутствіе рельефной почвы, однообразіе головъ съ безжизненнымъ застывшимъ однообразнымъ выраженіемъ—все это черты памятника датированнаго, дающаго возможность правильнѣе установить въ будущемъ наши знанія о школахъ мастеровъ, работавшихъ въ Римѣ въ это время. Потому и является крайне важнымъ указать на особенную близость нѣкоторыхъ головъ къ типамъ сирійскихъ памятниковъ, или же африканскихъ. Мнѣ придется еще не разъ обращаться къ сокровищамъ Латеранской капеллы, а потому въ настоящей замѣткѣ я считаю необходимымъ только вкратцѣ указать на особый составъ актографіи описываемой ставротеки, выходящей изъ ряда вонъ среди аналогичныхъ памятниковъ. Въ верхней части креста представлена бесѣда Христа въ Иерусалимскомъ храмѣ съ учителями. Христосъ, какъ учитель, сидитъ на тронѣ съ подножіемъ. По сторонамъ по двѣ старческія фигуры учителей изображены

сидя. Слѣва стоитъ Богородица. Въ центрѣ креста любопытная композиція, представляющая какъ бы дальнѣйшее развитіе извѣстныхъ литургическихъ композицій Равенны (ц. св. Виталія и св. Аполлинарія in Classe) съ Мельхиседекомъ, стоящимъ за престоломъ, на которомъ стоятъ чаша и хлѣбы. На композиціи VIII—IX вѣка вмѣсто Мельхиседека, совершенно согласно съ ученіемъ о прообразахъ Ветхаго Заветъа, изображенъ уже самъ Христосъ, стоящій какъ и Мельхиседекъ за такимъ же престоломъ, на которомъ стоятъ двѣ чаши и хлѣбъ(?), къ которому Христосъ протягиваетъ правую руку (какъ первосвященникъ по чину Мельхиседека). По сторонамъ престола стоятъ: справа Богородица съ протянутыми впередъ руками и слѣва св. Петръ съ руками покрытыми концомъ гиматія. За Богородицей и св. Петромъ вѣнцы, женскія и мужскія фигуры, очень мало обрисованныя, но несомнѣнно слѣдующія за ними. Такимъ образомъ здѣсь развита въ очень любопытныхъ формахъ та композиція причащенія, которая въ зрѣлыхъ формахъ такъ хорошо извѣстна въ храмахъ второго тысячелѣтія и въ одной изъ раннихъ рукописей, Сирійскомъ Евангеліи 526 года (Рабулы) и въ Россанскомъ Евангеліи. Эта композиція, однако, здѣсь осложнена фигурой Богородицы—церкви земной и ея представителя апостола Петра по обычному приему художественной средневѣковой символики, которая фигуру Богородицы сдѣлала персонификаціей церкви отъ вѣрныхъ (ex gentibus). Что эта композиція есть несомнѣнный прототипъ болѣе позднихъ догматическихъ композицій причащенія подъ двумя видами, доказываетъ присутствіе двухъ ангеловъ за фигурами Богородицы и Петра, которые представляютъ постоянную особенность этихъ композицій, равно какъ и престолъ съ крестомъ, Христосъ первосвященникъ и подходящія къ причащенію апостола, персонифицированные въ данномъ случаѣ подъ видомъ церкви (Богородицы) и Петра. Такимъ образомъ, данная композиція имѣетъ особенное значеніе, представляя одинъ изъ переходныхъ сюжетовъ отъ литургическихъ композицій Равенны къ догматическимъ XI—XII вѣка.

На лѣвой вѣтви ставротеки изображено чудо въ Канѣ въ обычномъ, но сокращенномъ переводѣ, сравнительно съ извѣстной мозаикой Неапольской крещальни. Правая вѣтвь опять занята композиціей, значеніе которой, повидимому, имѣетъ примѣсъ символики. Здѣсь въ центрѣ представленъ Христосъ со свиткомъ въ лѣвой рукѣ, поднимающій вверхъ правую руку съ тѣмъ энергичнымъ жестомъ, который извѣстенъ въ аналогичныхъ изображеніяхъ его въ абсидахъ раннихъ церквей, между апостолами Петромъ и Павломъ или мѣстными святыми (кончая мозаикой IX вѣка церкви св. Пракседы въ Римѣ). За нимъ видны тонкія изгибающіяся деревца, похожія на виноградную лозу. Справа отъ Христа стоятъ Богородица съ руками, покрытыми ея гиматіемъ, справа въ такой же позѣ стоитъ апостолъ Петръ, за нимъ видна характерная голова апостола Андрея и верхнія части головъ другихъ апостоловъ. Какъ эту композицію, такъ и предыдущую совершенно не понялъ авторъ описанія. Считая

первую за вечерю въ Еммаусѣ, онъ вторую объясняетъ словами Іоанна: «я есмь истинная лоза» (*Ego sum vitis vera* XV, 1). Хотя такое объясненіе второй композиціи и возможно вслѣдствіе присутствія лозы, но общій смыслъ композиціи этими словами не объясняется. Присутствіе Богородицы, Петра, Андрея и другихъ апостоловъ съ покровенными руками, расширяетъ смыслъ композиціи. Богородица, какъ образъ церкви, и апостолъ требуютъ приписать этой композиціи смыслъ проповѣди и основанія церкви на землѣ Христомъ въ лицѣ апостоловъ. Это доказываетъ нижняя композиція, представляющая явленіе Христа апостоламъ «дверемъ затвореннымъ», которая отличается отъ композиціи XI вѣка только тѣмъ, что дверь изображается за Христомъ, а не впереди его, какъ бы подъ ногами, какъ на ставротекѣ, и отсутствіемъ Маріи, которая здѣсь изображена за апостолами, какъ церковь въ предыдущихъ сценахъ. Авторъ описанія сомнѣвался признать въ этой композиціи явленіе Христа ученикамъ въ домѣ послѣ Воскресенія и даже предположилъ, что здѣсь изображено Вознесеніе, что абсолютно невозможно (стр. 63). На боковыхъ частяхъ находится еще 12 композицій изъ Евангелія: невѣріе Өомы, отосланіе на проповѣдь, вечера въ Еммаусѣ, призваніе Петра, обращеніе къ Өомѣ въ домѣ (композиція которая продолжаетъ описанную ранѣе — явленіе дверемъ затвореннымъ), невѣріе Өомы (влаганіе перста въ рану), жены у гроба, встрѣча на пути въ Еммаусъ, Апостолы у гроба видятъ пелены, явленіе двумъ апостоламъ по воскресеніи, *Noli me tangere*, извѣщеніе апостоловъ женами о воскресеніи Христовомъ и еще одна плохо изображенная и потому мало понятная композиція. Ротонда Гроба Господня очень напоминаетъ типъ ея на саркофагахъ, т. е. представляетъ круглое зданіе съ куполомъ и дверью; отваленный камень, на которомъ сидитъ Ангелъ, возвѣстившій женамъ о воскресеніи, представляетъ очень странный видъ и въ сущности является въ видѣ двухъ досокъ. На одной доскѣ Ангелъ стоитъ, а другая видна выше первой (не есть ли это прямое указаніе на то, что камень отваленный представлялъ въ это время двѣ доски въ видѣ алтарей внутри ротонды Гроба Господня?) ¹⁾.

Значеніе этой иконографіи ставротеки для средневѣкового искусства, по моему мнѣнію, выражается во-первыхъ въ сохраненіи болѣе ранняго преданія, въ его значительномъ расширеніи и въ особенности въ переходѣ къ иконописному стилю. Важность этихъ особенностей памятника станетъ ясной, конечно, не сразу.

Къ числу болѣе раннихъ серебряныхъ издѣлій должно отнести мощехранильницу овальной формы (pl. XII, 3), близко напоминающую, какъ вѣрно указалъ Laeger, извѣстную африканскую пиксиду (изъ Нумидіи) изданную de Rossi, Обѣ пиксиды должны принадлежать къ одному времени, какъ неукоснительно показываетъ хорошее исполненіе выпуклаго рельефа, характеръ головъ и фигуръ. Новонайденная пиксида

1) Ср. мои Примѣчанія къ тексту Антонія Новгородскаго.

украшена на боковыхъ сторонахъ рельефными чеканными медальонами апостоловъ Петра и Павла, между которыми находится деревцо съ изображеніемъ Христа и святыхъ въ медальонахъ же. На крышкѣ изображена извѣстная композиція поклоненія ангеловъ кресту (въ формѣ Голгоескаго), совершенно также непонятая авторомъ описанія. Эта композиція въ болѣе архаическихъ формахъ извѣстна на серебряномъ блюдѣ Строгонова, на геммахъ Парижской и Успенскаго собора въ Москвѣ, а ранѣе на медальонахъ клада, найденнаго въ *Tarsus*. Здѣсь, однако, ангелы уже не стоятъ неподвижно по сторонамъ креста, а преклоняютъ предъ нимъ головы и изгибаютъ колѣни, протягивая къ нему руки. Голгоеской скалы, повидимому, не изображено (рисунокъ не даетъ возможности точно судить объ этой детали). Крестъ украшенъ драгоценными камнями. Вверху слѣва видна десница изъ облака, протянутая ко кресту, а справа — голубь (св. Духъ) несущій вѣнокъ. Композиція, такимъ образомъ, символически развиваетъ идею о Честномъ Древѣ креста, на которомъ былъ распятъ Христосъ, и о самомъ распятіи, во время котораго былъ слышенъ гласъ (десница), возвѣстившій о «благоволеніи» (св. Духъ) къ «сыну» (Се есть сынъ мой возлюбленный, въ немъ-же мое благоволеніе, Того послушайте). Такое украшеніе верхней крышки могло стоять въ связи съ тѣми реликвіями, которыя хранились въ пиксидѣ. Внутри его нашлись частицы костей, небольшая стеклянная ампула и разные кусочки камней.

Ящикъ для храненія главы св. Агнесы сдѣланъ былъ по приказанію папы Гонорія III (1216 — 1227) и не имѣетъ украшеній (tab. XI, 2), напротивъ пиксида мѣдная гравированная (tab. XII, 2) украшена эмалевымъ Распятіемъ на крышкѣ и гравированными медальонами четырехъ евангелистовъ по сторонамъ. Иконографія распятія представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что даетъ возможность отнести пиксиду не къ XII вѣку, какъ желаетъ авторъ описанія, а къ болѣе раннему времени (стр. 79). Христосъ въ колобѣнъ стоитъ на подножіи. Вверху написаніе. По сторонамъ Богородица и Іоаннъ. Его рука обращена ко Христу, а не приложена къ щекѣ, какъ въ композиціяхъ XII вѣка. Крестъ утверждёнъ на высокой Голгоеской скалѣ. Это типъ Распятія Хлудовской псалтири, восходящій къ болѣе раннимъ прототипамъ (Сирийское Евангеліе 886 г., Сирийское блюдо Эрмитажа и многіе другіе), кончая извѣстной рукописью Пар. Нац. Библ. № 510 рѣчей Григорія Назіанзина. Надписи по своему характеру даютъ также черты космографіи IX — X вѣка, къ каковому времени и относится, скорѣе всего, эта пиксида.

Равнымъ образомъ и пиксида, содержащая *Reliq(uiae) s(an)c(t)i Ioh(ann)is Baptist(ae)*, ранѣе XIII вѣка. Судя по ея орнаментации (tab. XII, 1) прекраснаго стиля XI—XII вѣка, она, повидимому, относится скорѣе всего къ XII вѣку. На крышкѣ изображены Іисусъ Христосъ, св. Петръ и Іоаннъ Креститель въ медальонахъ. Можно думать, что это добыча крестоносцевъ послѣ взятія ими Константинополя въ 1204 году.

Къ числу такихъ же памятниковъ относится, повидимому, и серебряная

четыреугольная пиксида (ящикъ), содержащая голову (*une tête momifiée*) и украшенная прекрасными, очень стильными византійскими эмальми, крайне напоминающими эмали Кавказа собранія Звенигородскаго и собранія М. П. Боткина въ Петербургѣ (*tab. X*). Изъ эмалей на верхней крышкѣ сохранилась только центральная золотая дощечка съ изображеніемъ Христа на тронѣ и Богородицы съ Іоанномъ Крестителемъ въ деисусѣ по сторонамъ и три медальона изъ 12 съ изображеніями Симона, Фомы и Луки. На боковыхъ стѣнкахъ — рельефныя фигуры учителей церкви: Іоанна Златоустаго, св. Николая (Мирлик.), Григорія Богослова и Василия Великаго въ ростъ, съ книгами.

Изъ числа другихъ пиксидъ и реликваріевъ должно упомянуть о деревянной расписанной живописью пиксидѣ, рисунокъ которой, къ сожалѣнію, весьма плохъ (*fig. 11*), и нѣсколько серебряной безъ особенныхъ украшеній (*рис. 15*) и о пиксидѣ серебряной, съ которой рисунка не дано (*стр. 77*).

Изъ числа другихъ вещей важно упомянуть фрагментъ пиксиды изъ слоновой кости съ античнымъ сюжетомъ, но поздней, и во всякомъ случаѣ значительно позднѣ Берлинской пиксиды, съ которой сравнилъ ее авторъ, и особенно прекрасный фрагментъ рельеза съ изображеніемъ псѣлленія слѣплого въ горельефѣ (*tab. XIII*). Юная фигура Христа напоминаетъ типъ его на Латеранскомъ саркофагѣ съ чертами Аполлона, хотя и не такъ ярко выраженными.

Ящикъ изъ слоновой кости арабской скорѣе, чѣмъ персидской, работы съ раскрашенными фигурами птицъ очень напоминаетъ подобный же ящикъ въ Палермо (Музей). Любопытенъ также реликварій изъ дерева въ видѣ креста съ надписью $\phi\omega\varsigma \zeta\omega\eta\varsigma$, по типу меровингской эпохи (*рис. 17*) и, повидимому, значительно ранѣ IX вѣка, къ которому отнесъ его авторъ, такъ какъ формы подобныхъ крестовъ очень распространены на мраморныхъ рельефахъ VII, VIII вѣковъ.

Весьма любопытенъ также деревянный ящикъ (*tab. XIV, 1*) съ остатками внутри части небольшого креста Честнаго Древа. Этотъ ящикъ расписанъ живописью въ стилѣ XI—XII вѣковъ. Архаизмы другого деревяннаго ящика невольно заставляютъ вспомнить ампуллы изъ Монцы и Сирійское Евангеліе 886 года (*tab. XIV, 2*). По моему мнѣнію, живопись этого ящика древнѣе X вѣка. «Tugurrium» Гроба Господня и вся композиція прихода женъ ко Гробу Господню какъ бы скопированы съ ампуллъ Монцы. Распятіе въ колобѣи и съ двумя разбойниками крайне архаично по формамъ, равно какъ и Вознесеніе встрѣчающееся въ такихъ же формахъ на ампуллахъ. Однако, видя рисунокъ, не совѣмъ ясный въ подробностяхъ, нельзя съ увѣренностью указать на приблизительную дату, которую авторъ опредѣляетъ X вѣкомъ врядъ ли правильно. Эти аналоги, сами по себѣ поучительныя, объясняются отчасти содержаніемъ предметовъ ящика. Онъ оказался наполненнымъ частицами камня и дерева изъ св. земли съ греческими надписями ΑΠ' ΒΝΘΛΕΕΜ , ΑΠ' ΣΙΩΝ

и другими неразборчивыми. Такимъ образомъ, ящикъ представляетъ реликвию св. мѣсть и, по всей вѣроятности, этимъ обстоятельствомъ должно объяснять аналогию между сюжетами, украшающими его съ одной стороны съ ампулами, съ другой съ Евангелиемъ 886 года. Этотъ драгоценный ящикъ заслуживалъ бы изданія въ краскахъ и основательнаго изученія наряду съ дошедшими палестинскими и сирійскими памятниками.

Ткани, найденныя вмѣстѣ со священными реликвіями, служили для ихъ завертыванія. Онѣ найдены въ большомъ количествѣ и представляютъ значительный историко-художественный интересъ. Одинъ изъ болѣе позднихъ описателей реликвій Sancta Sanctorum упоминаетъ въ числѣ тканей одежды св. Петра и св. Стефана. Во всякомъ случаѣ эти ткани своими украшеніями могутъ пролить значительный свѣтъ на ткани, видѣнныя Антониномъ Пяченскимъ и Елифаніемъ монахомъ въ Иерусалимѣ, равнымъ образомъ какъ и на показанія вообще древнихъ авторовъ, очень многочисленныя и поясняющія составъ украшеній повсюду знаменитыхъ теперь египетскихъ тканей. Среди нихъ встрѣчаются ткани съ изображеніемъ охоты (т. XVIII, 1), лѣтховъ, львовъ, быка (крылатаго) и, наконецъ, съ изображеніями Благовѣщенія (т. XV), Рождества Христова, по стилю и орнаментамъ совершенно подобной предыдущей (т. о. и изображеніе Благовѣщенія) и, быть можетъ, представляющей часть одной и той же матеріи. Сохранились въ цѣлости покровъ съ орнаментами и цѣлая льняная туника.

Изъ числа множества святынь, представляющихъ кровь мучениковъ и Христа, камни отъ Гроба Господня, пещеры Рождества, горы Сионской, горы Синая и проч., укажу только на двѣ реликвіи имѣющія важное значеніе для показаній нашихъ древнихъ русскихъ паломниковъ. 1) Въ посланіи Архіепископа Новгородскаго Василія ко Владыкѣ Тверскому Теодору (1331—1352) говорится о ста финикахъ, которые насадилъ Христосъ, не движимы суть и донныѣ, не погибли, не погнили ¹⁾. Среди реликвій Sancta Sanctorum упоминается часть «De arbore qui ipse Dominus plantavit» (р. 122). Надпись сдѣлана почеркомъ VIII—IX вѣка. 2) Авторъ описанія заканчиваетъ перечень святынь сандалями Христа: «Sandalia D. N. Jesu Christi», которыя онъ хочетъ видѣть въ подошвахъ съ ремнями, части которыхъ пришиты къ толстой грубой ткани. Объ этихъ сандаляхъ говорится уже въ Liber Pontificalis и въ древнихъ каталогахъ. Слѣдуетъ замѣтить, что «калиги» Господня видѣлъ въ Царьградѣ въ царскихъ златыхъ палатахъ нашъ Антоній Новгородскій въ 1202 году (Лопарева, Книга Паломникъ, стр. 19). Иоаннъ Успенскій въ письмѣ къ царю Ашоту упоминаетъ о находженіи въ Гаваниѣ сандалій Христа, въ которыхъ онъ ходилъ въ мирѣ (Виз. Врем. IX, стр. 101). Какія сандалии упоминаетъ Liber Pontificalis и каково происхожденіе сандалій, найденныхъ

1) Ср. мою статью: Нѣкоторыя данныя русскихъ лѣтописей о Палестинѣ, стр. 69.

въ Sancta Sanctorum, остается вопросомъ, который авторъ не затрагиваетъ. Количество открытыхъ драгоценностей въ Sancta Sanctorum такъ велико и соприкасается съ такими разнообразными областями искусства, легенды, паломнической литературы, что исчерпать все это въ краткой статьѣ не представляется возможнымъ, и мнѣ не разъ придется обращаться къ новооткрытому источнику новыхъ данныхъ. Д. А.

А. Миѳоз, *I codici greci miniati delle minori biblioteche di Roma*. Firenze 1905.— Небольшая книжечка въ 100 страницъ малаго 8°, изящно изданная посвящена авторомъ описанію мало извѣстныхъ рукописей съ миниатюрами, находящихся въ меньшихъ бібліотекахъ Рима, т. е. меньшихъ, чѣмъ Ватиканская.

Въ небольшомъ предисловіи, составленномъ, однако, довольно поверхностно, авторъ указываетъ на важность изданія миниатюръ тѣхъ кодексовъ, которые до настоящаго времени мало извѣстны, и обѣщаетъ въ дальнѣйшемъ продолженіе выпусковъ, подобныхъ первому. Нельзя не привѣтствовать этой благой цѣли, но можно пожелать, чтобы авторъ, издавая миниатюры рукописей, оставался въ области описательнаго приѣма, имъ принятаго. Область миниатюры крайне широка и требуетъ прежде всего осторожности въ приговорахъ.

Авторъ описываетъ извѣстную ерминію на 12 пророковъ Θεодорита Кирскаго бібліотеки Киджи (*Catena in Prophetas*, R. VIII, 54), описанную много разъ, и даетъ 10 изображеній пророковъ. Онъ указываетъ на реставрацію масляной живописью многихъ фигуръ, причѣмъ наиболѣе сохранились фигуры Амоса, Іоны, Михея и Іереми. Фигуры пророковъ слѣдовало бы сравнить прежде всего съ фигурой Іереми въ церкви св. Софіи, изданной Зальценбергомъ, и съ фигурой Іоанна Крестителя на Кіевской иконѣ, писанной восковыми красками. (Ср. Синайскія иконы восковой живописи, Виз. Врем. 1902, IX и Salzenberg, *Altchr. Baudenkm.*, T. XXX, Fig. 1).

Далѣе описана крайне интересная рукопись Діоскорида той-же бібліотеки Киджи, о которой впервые далъ подробныя свѣдѣнія Venturi (*L'eb-rario di Dioscoride nella Biblioteca Chigiana. Cronache della civiltà ellenolatina* 1903) и O. Penzig (*Contribuzioni alla storia della botanica, Genova* 1904, p. 241—282). Этотъ кодексъ Діоскорида по числу пятый (два Вѣнскихъ, Парижскій граес. 2179 и Чельтенгемскій) представляетъ любопытныя отклоненія отъ Вѣнскаго, даетъ большое количество новыхъ изображеній животныхъ, растений и насѣкомыхъ и кромѣ того обнаженную человѣческую фигуру, изображенную дважды: спереди и сзади. Нѣкоторыя миниатюры, извѣстныя въ Вѣнскомъ Діоскоридѣ, въ Киджійанскомъ отсутствуютъ. Надъ миниатюрами, на поляхъ рукописи минускуломъ XV вѣка сдѣланы надписи. Я не знаю, эти-ли надписи ввели въ заблужденіе автора, что онъ отнесъ и самую рукопись къ XV вѣку. Для того, чтобы судить съ большей основательностью о времени Діоскорида Киджи, автору надо было бы внимательно изучить копія XV вѣка Оппіана Ватик. Библ.

на бомбицинѣ и тогда уже высказаться о рукописи, его занимавшей. Никакихъ слѣдовъ XV вѣка въ пергаменной рукописи Діоскорида Киджи нѣтъ и простая ссылка на характеръ живописи этой рукописи безъ надлежащаго изученія ея не можетъ никого убѣдить въ принадлежности ея къ XV вѣку. По общимъ признакамъ, каковы: строго выдержанный стиль византійской миниатюры XII вѣка, близость къ протооригиналу, сходство обнаженной фигуры съ такими-же въ трактатѣ Аполлонія изъ Китіума о вывихахъ, даже замѣчательная техника въ исполненіи свѣта и тѣней—поздне-византійская, кончая, повидимому, красками, все указываетъ, что этотъ изводъ Діоскорида, писанный на пергаментѣ, принадлежитъ ко времени близкому къ XII вѣку, или нѣсколько позднѣе.

Затѣмъ описаны два Евангелія Валичеліановой библіотеки (В, 133 и F, 17) оба съ четырьмя Евангелистами, и грубо, неумѣло написанное Евангеліе Казанатенской библіотеки № 165, руки неумѣлаго каллиграфа, врядъ-ли однако, итальянскаго, а повидимому какого-либо восточнаго монаха. Книжечка заканчивается описаніемъ бумажной рукописи той же Казанатенской библіотеки содержащей молитвы. Рукопись, повидимому, не XIII, а XIV вѣка. Д. А.

Il rotulo di Giosue. Codice Vaticano Palatino greco 431. Testo et tavole A—M. in folio. Ulrico Hoepli editore. Milano.—Великолѣпныя изданія, поражающія своей художественностью, равно какъ и научностью, рукописей и коллекцій Ватикана, наконецъ, стали доступны мнѣ, такъ какъ получены музеемъ искусствъ и древностей при С.-Петербургскомъ Университетѣ. Вслѣдъ за великолѣпнымъ изданіемъ Иліады Амброзіанской библіотеки послѣдовало изданіе Вергилія VI вѣка Ватиканской библіотеки, затѣмъ такое же изданіе слоновыхъ костей Ватикана (о немъ см. дальше) и, наконецъ, — всего пергаменнаго свитка Иисуса Навина въ его натуральную величину и частью въ краскахъ. Этотъ свитокъ въ настоящее время снова занялъ вниманіе ученыхъ, особенно изданія Гревеномъ нѣсколькихъ рѣзныхъ слоновыхъ костей, композиціи которыхъ повторяютъ композиціи свитка. Тотъ-же Гревенъ занялся и сопоставленіемъ свитка съ соотвѣствующими листами Ватиканскаго Октатевха, въ которомъ, какъ было указано впервые Н. П. Кондаковымъ, также повторены композиціи свитка. Затѣмъ по разнымъ вопросамъ, связаннымъ съ исторіей возникновенія иллюстрацій октатевховъ, многія интересныя соображенія были высказаны также Стржиговскимъ, въ его изслѣдованіи о Смирнскомъ Октатевхѣ, при чемъ и пишущему эти строки пришлось указать на нѣкоторыя особенности состава Октатевховъ, отдать дань вновь возникшему вопросу о свиткѣ Иисуса Навина и Октатевховъ, при чемъ до сихъ поръ мнѣ не удалось еще обнаружить отдѣльной штудіи, касающейся наблюдаемыхъ мною особенностей свитка и Октатевховъ; работа подвинута мною впередъ вышедшимъ новымъ изданіемъ, но еще не исчерпываетъ всѣхъ данныхъ этого рода.

Изданіе состоитъ изъ атласа in folio и текста съ приложеніемъ таб-

лицъ (фототипія), на которыхъ изданы соотвѣтствующія композиціи Ват. Октатевха. Изъ текста узнаемъ подробную, хотя все же темную въ главныхъ пунктахъ исторію свитка. Изъ позднихъ греческихъ приписокъ на обратной сторонѣ можно заключать, что свитокъ въ XIII вѣкѣ хранился въ какомъ-то мѣстѣ греческаго востока. Замѣтка нѣкоего Георгія Коуртѣхисъ говоритъ о рабочихъ, нанятыхъ для постройки дома. Въ XVI вѣкѣ свитокъ находится уже въ рукахъ нѣмецкаго ученаго Ульриха Фужжера (по каталогу Швехенгейма 1571 года: *Historia Veteris Testamenti de populo Israelitico. In einer langen Tafell uff Pergament abgerissen, uber einander gerollet. In Maculatur gewicklet*). По смерти Ульриха Фужжера въ 1584 году поступаетъ въ придворную бібліотеку Фридриха IV. Затѣмъ, какъ подарокъ Максимилиана Баварскаго патрѣ Григорію XV попадаетъ изъ Гейдельбергской бібліотеки въ Ватиканъ.

Въ новомъ изданіи провѣрены всѣ сдѣланныя ранѣе наблюденія и указанія и приведены многія новыя, крайне важныя для дальнѣйшаго уясненія живописи свитка и для ея изученія. Указаны между прочимъ двѣ руки, дѣлавшія надписи, фактъ извѣстный со времени изученія свитка еще академикомъ Н. П. Кондаковымъ. Одна рука X вѣка, другая болѣе ранняя дѣлала немногія надписи надъ фигурами посредствомъ буквъ красиваго устава, въ то время какъ первая выписывала значительные тексты и дѣлала надписи обыкновенной скорописью X вѣка. Уставныя надписи, однако, по мнѣнію автора (анонимнаго), также не могутъ считаться одновременными живописи, украшающей свитокъ. Эти надписи являются очень рѣдко и, повидимому, сдѣланы для поясненія нѣкоторыхъ фигуръ позднѣе, такъ какъ нельзя предположить, чтобы художникъ, задавшійся цѣлью обозначить надписями свой свитокъ, прибавилъ эти надписи только къ нѣкоторымъ фигурамъ. Болѣе важное наблюденіе сдѣлано авторомъ для первой руки X вѣка, нуждающееся, однако въ тщательной провѣркѣ въ лупу. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя данныя заставили автора усомниться въ томъ, одновременно-ли разрисованъ и раскрашенъ красками свитокъ. Въ самомъ дѣлѣ, цвѣтная раскраска фигуръ свитка употребительна только для одеждъ, племовъ, копій и то не во всѣхъ случаяхъ. Лица воиновъ, ихъ ноги, руки, равно какъ тѣла лошадей, деревья, горы, весь пейзажъ и земля рисованы одноцвѣтной краской, усиленной въ тѣняхъ съ прибавленіемъ бѣлой для обозначенія листвы. Кромѣ того, тона одеждъ свитка не совпадаютъ съ тонами Ват. Октатевха. Наблюдая эти особенности раскраски, авторъ пришелъ и къ положительному результату, именно, что живопись была реставрирована позднѣе X вѣка, такъ какъ нѣкоторыя надписи этого времени, написанныя черными чернилами, обведены краской вродѣ кармина, а эта краска ясно замѣтна на контурахъ и одеждахъ многихъ фигуръ. Въ общемъ, авторъ пришелъ къ тому результату, что рисовальщикъ свитка долженъ быть отличаемъ отъ того, кто раскрашивалъ фигуры, или собственно живописца, и такъ какъ живопись древнѣе самыхъ раннихъ надписей и позднѣе работы рисоваль-

щика, то авторъ, осторожно оговариваясь, склоненъ отнести возникновеніе свитка къ VII вѣку, и, такимъ образомъ, къ датамъ, колеблющимся между V—X вѣкомъ прибавить новую, мало чѣмъ отличную отъ даты VIII вѣка, къ которой относили свитокъ Лабартъ и Шназе (VII—VIII вѣкъ), а за ними Покровский и другіе. Дата, принятая для свитка Н. П. Кондаковымъ, V—VI вѣкъ, была поддержана Гревеномъ, который считалъ свитокъ за копію, очень недалекою по времени отъ своего оригинала, созданнаго въ золотой вѣкъ еще античной христіанской живописи (т. е. въ V—VI вѣкъ). Текстъ, написанный съ большимъ тщаніемъ и любовью, отличается, однако, особымъ свойствомъ. Онъ весь состоитъ изъ данныхъ относящихся собственно къ свитку, который изучается самъ по себѣ, безъ отношенія къ исторіи христіанскаго искусства, иначе говоря текстъ лишень исторической перспективы и исторической точки зрѣнія. Онъ представляется какъ бы произведеніемъ архивиста, которому очень многіе будутъ благодарны за солидную попытку расчистить почву для изученія столь важнаго памятника христіанскаго искусства.

Д. А.

Н. П. Лихачевъ. *Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія*. Атласъ снимковъ. Части I и II. — Наше время, повидимому, чревато большими всходами въ области исторіи русскаго искусства подобно тому, какъ время знаменитыхъ Погодина и Буслаева было богато посѣвами. Если изданіе В. В. Стасова «Славянскій и восточный орнаменты» уже давно приобрѣло общеевропейскую извѣстность, а изданіе Ник. Павл. Кондакова «Лицевой иконописный подлинникъ» ч. I (иконографія Иисуса Христа) уже цитируется въ иностранныхъ трудахъ, то «Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія», несомнѣнно, также скоро стануть общеизвѣстны какъ у насъ, такъ и у специалистовъ западной науки. Изданіе in folio 419 таблицъ фототипій, заключающихъ 864 номера снимковъ съ иконъ и миниатюръ рукописей, представляетъ такой огромный и сложный матеріалъ, разобраться въ которомъ сразу нельзя, но оцѣнить значеніе котораго можно съ перваго взгляда. Мы до сихъ поръ не имѣли болѣе или менѣе точнаго и достовѣрнаго воспроизведенія такого огромнаго количества памятниковъ иконописи и потому прежде всего приходится указать, именно, на это богатство матеріала, собраннаго въ одномъ изданіи, около котораго должны будутъ уже группироваться такія изданія какъ каталогъ собранія Постникова, изданія Гольшева, Успенскаго, какъ дополнительные источники, вмѣстѣ съ разбросанными по разнымъ изданіямъ воспроизведеніями русской иконописи. Въ этомъ изданіи находимъ богатый подборъ иконъ Кіевскихъ, начиная съ извѣстныхъ синайскихъ иконъ, писанныхъ восковой живописью (за исключеніемъ Богородицы съ младенцемъ). Здѣсь-же впервые издана портативная мозаическая иконка св. Николая, входящая въ составъ до сихъ поръ извѣстныхъ 35 подобныхъ иконокъ мельчайшей мозаики, 15—16 изъ числа которыхъ зналъ еще Мюльцъ, писавшій о нихъ и собравшій свѣдѣнія, доступныя ему въ свое время. Здѣсь-же находимъ и пергамен-

ный листъ Троицко-Сергіевской Лавры съ византійской миниатюрой, изображающей Христа, до сихъ поръ не изданный и не описанный за исключеніемъ каталога Лавры. Для XIII—XIV вѣковъ имѣемъ здѣсь, кромѣ деисуса изъ собранія автора, еще и снимки съ рукописей и между ними съ пергаменной рукописи Сильвестровскаго Сборника (чудеса у гроба Бориса и Глѣба и снимки съ житія Авраама), которыя даютъ прекрасное дополненіе къ изданію этого сборника у Срезневскаго и къ житію Авраама, изданному факсимиле въ краскахъ (не особенно точно) Обществомъ Люб. Древн. Письменности. Авторъ шпроко смотрѣлъ на задачи исторіи русскаго иконописанія, и потому среди указанныхъ, крайне важныхъ памятниковъ мы встрѣчаемъ замѣчательный снимокъ съ мозаической композиціи Страшнаго Суда въ соборѣ на о. Торчелло и извѣстную флорентійскую мозаическую икону, состоящую изъ двухъ досокъ съ 12 праздниками. Мозаика Торчелло издана на двухъ таблицахъ въ такомъ масштабѣ, который мнѣ въ изданіяхъ нигдѣ не извѣстенъ.

Здѣсь же находимъ двѣ замѣчательныя иконы Троице-Сергіевской Лавры (12 и 13) Богородицы Одигитріи съ иконными изображеніями по сторонамъ (на первой) Константина Акрополита и Маріи Комниной изъ рода Торникіевъ (Торникіи). Между другими иконами, имѣющими ближайшее отношеніе къ византійскому искусству какъ прототипу русскихъ иконъ, слѣдуетъ указать на Кіевскую икону Іоанна Крестителя (№ 20), стоящую въ ближайшей связи съ мозаическимъ образомъ Іоанна Крестителя, сохраняемымъ въ Константинопольской патріархіи, и къ образу того же типа, склада и стилия въ мозаикахъ св. Марка въ Венеціи. Этотъ именно типъ лежитъ въ основѣ русскихъ иконъ XVI вѣка и древнѣе представляющихъ Іоанна въ плащѣ поверхъ милоти, съ развернутымъ свиткомъ и съ чашей у ногъ, въ которой лежитъ его голова. Типъ далеко отличающійся отъ болѣе раннихъ, какъ напр. на восковой иконѣ Кіевского собранія (№ 3) или на креслѣ Максиміана въ Равеннѣ.

Особый интересъ представляютъ двѣ иконы (№ 24 и 25), представляющія Христа, стоящаго во гробѣ; сзади крестъ, на боку и на рукахъ раны. По сторонамъ гвозди, губа и копье. Эти иконы по характеру письма ранѣе XV вѣка имѣютъ греческія надписи и, неизвѣстно откуда происходящія, типичны въ томъ отношеніи, что представляютъ переносъ на греческую почву извѣстной западной композиціи иконы Pietas, какъ называлъ ее Максимъ грекъ, освѣдомлявшійся въ Италіи «отъ вѣрныхъ мужей итальянцевъ» относительно ея значенія, связавшій ее съ извѣстнымъ чудомъ св. Григорія папы и пояснявшій смыслъ ея москвичамъ, изумлявшимся новой иконѣ, проникшей въ это время (въ XVI вѣкѣ) въ русскую иконопись. Западное происхожденіе этой иконы эпохи возрожденія не можетъ подлежать сомнѣнію, но греческія надписи надъ указанными двумя иконами заставляютъ предполагать заимствованіе, именно, изъ области греческой иконографіи, а не латинской такого сюжета, который уже въ 1550-хъ годахъ извѣстенъ въ росписи Свіязскаго монастыря, по-

строеннаго Иоанномъ Грознымъ. Можно думать, что этотъ образъ принесли съ собою на Москву православные греки.

Я долго не могъ бы закончить своей замѣтки, если бы захотѣлъ, хотя въ краткихъ чертахъ, обрисовать значеніе каждой серіи иконъ для русской иконописи, а потому откладываю этотъ обзоръ для pripravляемой статьи съ обзоромъ иконографіи атласа. Однако, не могу не выразить пожеланія, которое одобритъ я полагаю всякій, кто обратится къ атласу за помощью для своихъ специальныхъ работъ, чтобы возможно скорѣе явилось въ свѣтъ хотя бы самое краткое, но болѣе выдержанное описаніе иконъ съ указаніемъ происхожденія каждой изъ нихъ, и отмѣткой наиболѣе типичныхъ свойствъ иконы, какъ-то ея размѣровъ, матеріала и если возможно даты. Безъ пособія этихъ данныхъ крайне затрудняется пользованіе матеріаломъ. Это пожеланіе тѣмъ болѣе исполнимо, что уважаемый Н. П. Лихачевъ общается въ предисловіи подробное описаніе снимковъ первой и второй части.

Обращаюсь къ атласамъ. Иконографія Христа, Богородицы, апостоловъ, святыхъ, св. Николая, св. Георгія на конѣ съ любопытной подробностью (съ мальчикомъ виночерпиемъ, сидящимъ на крупѣ коня), предобныхъ и мѣстныхъ русскихъ святыхъ (Димитрій Троицкій съ житіемъ), Бориса и Глѣба, а затѣмъ иконографія праздниковъ заключаетъ такое богатство формъ, подробностей, пока еще мало изученныхъ, и такъ близко соприкасается съ иконографіей настѣнной древней живописи, что послужитъ неисчерпаемымъ источникомъ для всякаго, занимающагося исторіей русской древней живописи. По многимъ отдѣламъ атласъ даетъ замѣчательныя серіи иконъ (Богородицы, Христосъ, нѣкоторые праздники, Рождество Христово, Сошествіе во адъ) и лишь два творенія (шестодневны), Вѣрую и другія подобныя сложныя иконы русской иконографіи вошли въ атласъ, въ одномъ, двухъ, трехъ экземплярахъ и желающіе должны будутъ обращаться за ними въ Музей Академіи Художествъ, въ Музей Александра III и въ другія собранія этого рода. Важно указать и на то, что среди русскихъ иконъ имѣются такія, какъ «Притча о слѣпцѣ и хромцѣ», «Защита Великаго Новагорода иконой Знаменія» (подобная-же издана въ Древностяхъ Росс. Государства покойнымъ Филлимоновымъ), а среди западныхъ икона изъ Отранто, художника Бизамани 1432 года и другія, кончая великолѣпной (по краскамъ, какъ удалось мнѣ самому видѣть) иконой Деисуса (№ 51) греческаго письма, привезенной авторомъ изъ Италіи. Въ этомъ же атласѣ великолѣпно изданы чеканныя Суздальскія двери изъ собранія автора, змѣвникъ, вдѣланный въ икону.

Обширный отдѣлъ русской миниатюры заключаютъ фототипіи съ древнихъ и болѣе позднихъ греческихъ и русскихъ рукописей, особенно изъ житія Бориса и Глѣба Сильвестровскаго сборника и разныхъ русскихъ изводовъ Топографіи Космы Индикоплова. Н. П. Лихачевъ общается въ своемъ предисловіи полное изданіе миниатюръ Сильвестровскаго сборника

съ приложеніемъ описанія. Можно пожелать только, чтобы это предпріятіе поскорѣ увидѣло свѣтъ.

Большая заслуга Н. П. Лихачева, по моему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что онъ пустилъ въ научный оборотъ огромное количество памятниковъ, крайне важныхъ для исторіи русскаго иконописанія, его связей съ Византіей, славянскими землями и Греціей, воспринявшей элементы художественнаго возрожденія Запада. Въ этихъ отношеніяхъ атласъ представляетъ огромную важность. Въ немъ сказалась широта взгляда на историческій процессъ образованія русской иконописи, высказанный съ такой эрудиціей и положительностью Н. П. Кондаковымъ въ его книгѣ объ Аѳонѣ, который и въ этой области является первымъ творцомъ цѣлаго отдѣла науки о русской иконописи. Въ появленіи атласа, такимъ образомъ, нельзя не привѣтствовать исполненія уже созрѣвшей научной задачи. Вотъ почему крайне желательно исполненіе и другихъ обѣщаній Н. П. Лихачева, указанныхъ имъ въ его предисловіи, именно, изданія его изслѣдованій и матеріаловъ (описей монастырей и церквей, документовъ объ иконописцахъ).

Д. А.

Н. П. Кондаковъ, *Иерусалимъ христіанскій. Историческій очеркъ и памятники*. СПб. 1905, in 8°, 87 стр., съ фотот. табл. и рис. (Оттискъ изъ VI тома «Православной Богословской Энциклопедіи»).

Работа для энциклопедическихъ словарей — одна изъ наиболѣ трудныхъ: требуется въ краткой, сжатой и популярной формѣ изложить все существенное, касающееся извѣстнаго предмета, освѣтить его данными, добытыми наукой; короче говоря — отъ автора требуется сказать *не много, но много*.

Этому требованію идеально удовлетворяетъ обширная статья акад. Н. П. Кондакова, помѣщенная въ VI т. православной Богословской Энциклопедіи, и изданная также отдѣльнымъ оттискомъ. Авторъ самъ работалъ въ области палестиновѣдѣнія, подготавливаясь къ научному археологическому путешествію по Палестинѣ, которое и совершилъ еще въ 1891—1892 годахъ въ составѣ ученой экспедиціи, отправленной Императорскимъ Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ; результатъ этой подготовки и самого путешествія выразился въ весьма важныхъ его докладахъ: «Значеніе византійской эпохи въ исторіи святой земли для общей науки христіанской археологіи» (7-й отчетъ Императорск. Палест. Общества 1888—1890 гг. СПб. 1891, прилож.) и о значеніи палестиновѣдѣнія въ разрѣшеніи вопроса о происхожденіи византійскаго искусства (Сообщ. Имп. Православ. Палест. Общ., Апрѣль, 1892, 144—160) и въ капитальномъ трудѣ «Археологическое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ» СПб. 1904¹⁾, въ которомъ Иерусалиму посвящена обширная четвертая глава (110—142).

1) См. нашу рецензію объ этомъ трудѣ въ Виз. Врем., т. XI (1904), вып. 3—4.

Благодаря всему этому и краткая статья автора, посвященная исторіи Иерусалима и его памятниковъ, весьма интересна, содержательна, сообщаетъ читателю массу свѣдѣній, вводя его въ суть дѣла, открывая ему широкія перспективы на памятники, ихъ роль въ наукѣ палестиновѣдѣнія и вообще христіанской археологіи.

Статья автора — украшеніе Словаря, а въ отдѣльномъ изданіи — весьма интересная книга. Е. Р.

Н. П. Кондаковъ, *Изображенія русской княжеской семьи въ миниатюрахъ XI вѣка*. СПб. 1906, in 8°, 123 стр., 6 таблицъ и 13 рис. въ текстѣ. Ц. 2 руб.

Въ новомъ изслѣдованіи акад. Н. П. Кондакова, заглавіе котораго выставлено выше, рѣчь идетъ о пяти византійскихъ миниатюрахъ, найденныхъ въ самое послѣднее время въ такъ называемомъ кодексѣ Гертруды, или рукописи латинской псалтири, писанной по заказу Трирскаго архіепископа Эгберта (977—993) и находящейся въ капитульномъ архивѣ (нынѣ Королевскомъ) города Чивидале въ Ломбардіи. Изслѣдованіе всей рукописи сдѣлано въ извѣстномъ юбилейномъ изданіи Трирскаго Общества¹⁾ въ трудахъ Зауерланда и Газелова, и мы на страницахъ «Виз. Временника»²⁾ въ свое время дали подробный отчетъ объ этомъ изданіи. Въ этомъ отчетѣ мы отмѣчали особое важное значеніе той части изслѣдованія Газелова, которое касается именно вышеупомянутыхъ пяти византійскихъ миниатюръ, представляющихъ изображенія: 1) ап. Петра и матери Ярополка, Ярополка и его супруги, 2) Рождества Христова, 3) Распятія Христа и Евангелистовъ, 4) Христа на тронѣ, возлагающаго вѣнцы на Ярополка и его супругу въ присутствіи Ап. Петра и св. Ирины, 5) Богородицы съ Младенцемъ Христомъ. Уже Газеловъ поставилъ въ связь указанные миниатюры съ нѣкоторыми русскими памятниками, и далъ сильное разрѣшеніе вопроса о происхожденіи ихъ, и въ заключеніи своего обзорнаго труда Газелова мы говорили: «Русская археологія можетъ быть благодарна г. Газелову, затронувшему весьма интересный вопросъ о древнѣйшихъ памятникахъ русской живописи. Г. Газеловъ съ своей стороны сдѣлалъ все то, что могъ, для уясненія этого вопроса при условіи работы за границей. Можно только пожелать, что бы тѣ-же русскіе памятники, какъ и весьма важныя, интересныя и для русской исторіи и искусства вставныя миниатюры Гертрудіановскаго кодекса, нашли должную оцѣнку и изслѣдованіе въ русской научной литературѣ, не имѣющей еще до сихъ поръ специальныхъ монографій, посвященныхъ имъ». Новый трудъ акад. Н. П. Кондакова отчасти восполняетъ этотъ пробѣлъ въ отношеніи Изборника Святослава и Остромирова Евангелія, и во многомъ дополняетъ изслѣдованіе Газелова и заново изучаетъ

1) Sauerland u. A. Haseloff, *Der Psalter Erzbischof Egberts von Trier, Codex Gertrudianus in Cividale*. 1901.

2) Въ IX т. (1902), вып. 1—2.

интересныя для исторіи русскаго искусства миниатюры Гертрудіановскаго кодекса.

Изслѣдованіе нашего ученаго охватываетъ предметъ глубже и ставитъ его въ болѣе широкія рамки, при сопоставленіи его съ большимъ количествомъ памятниковъ и при уясненіи его такими данными, которыя оставались не извѣстны нѣмецкому ученому.

Самъ авторъ смотритъ на свою работу лишь какъ на канву и матеріалъ для будущаго изслѣдованія, которое имѣетъ быть предпринято по сложной задачѣ разрѣшенія вопросовъ бытовой русско-византійской археологіи. Если и можно согласиться съ нимъ, что это — канва, то во всякомъ случаѣ собранная рукой весьма опытнаго мастера, и будущій изслѣдователь именно этихъ мало изученныхъ вопросовъ бытовой археологіи найдетъ въ его работѣ драгоцѣнный матеріалъ для уясненія и указанныхъ вопросовъ и наряду съ ними другихъ не менѣе важныхъ и существенныхъ.

Мы не можемъ въ обзоръ новаго труда нашего ученаго входить въ детали, мы укажемъ лишь на главные его выводы, заключенія.

Авторъ детально разбираетъ миниатюры, касаясь и содержанія ихъ, ихъ техники, иконографіи, и бытовыхъ данныхъ, и вопроса о ихъ происхожденіи, отношенія къ русскому и западному искусству. Въ заключеніе анализа содержанія миниатюръ акад. Н. П. Кондаковъ говоритъ: «Изъ этого анализа можно съ достаточной ясностью убѣдиться, на сколько вся бытовая сторона изображеній остается неопредѣленной, такъ что самое описаніе приходится вести въ выраженіяхъ условныхъ, не рѣдко не отвѣчающихъ дѣлу; но болѣе извѣстныхъ и ставшихъ уже привычными. Правда, въ томъ-же положеніи находится и западная средневѣковая археологія въ періодъ IX—XII столѣтій, но врядь-ли это обстоятельство можетъ служить для русско-византійской археологіи достаточнымъ и на будущее время оправданіемъ. Русская археологія до-монгольскаго періода настолько проникнута византійскою культурой, что можетъ быть называема русско-византійскою, и настолько могла бы быть освѣщаема богатыми византійскими источниками, чтобы выдвинуться замѣтнымъ образомъ впереди западной средневѣковой археологіи, доселѣ бродящей во тьмѣ, по нежеланію знать греко-византійскіе оригиналы. вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается необходимымъ, предварительно анализа самихъ изображеній русскихъ князей, пересмотрѣть, хотя кратко, во 1-хъ прочія подобныя изображенія, ставшія доселѣ извѣстными, и во 2-хъ по нѣсколькимъ бытовымъ пунктамъ обозрѣть тѣ данныя византійскихъ источниковъ, которыя могутъ способствовать истинной научной постановкѣ археологическихъ вопросовъ» (34—35).

Авторъ разбираетъ, какъ матеріалъ для опредѣленія бытовыхъ данныхъ въ изслѣдуемыхъ миниатюрахъ, слѣдующіе памятники: 1) фреску Кіево-Софійскаго Собора (1037 г.), нынѣ погибшую, съ изображеніемъ самаго Ярослава и его семьи, извѣстную отчасти благодаря рисунку Ө. П.

Солнцева и рисунку въ открытомъ Я. И. Смирновымъ Радзивиловскомъ альбомѣ 1651 г., 2) заглавную картину Изборника, списаннаго въ 1073 году для великаго князя Святослава Ярославича съ изображеніемъ его самого и всѣхъ членовъ его семьи, 3) фреску Спасо-Нередицкой церкви (1198 г.) съ изображеніемъ князя Ярослава Владимировича Новгородскаго, 4) рукопись Слова Ипполита папы Римскаго (объ антихристѣ), XII в., хранящейся въ Чудовомъ монастырѣ, съ изображеніемъ неизвѣстнаго русскаго князя, 5) рукопись Поученіе изъ бесѣдъ Іоанна Златоустаго XIII в. Синодальной Библиотeki съ изображеніемъ св. Бориса, 6) различные памятники съ изображеніемъ св. Бориса.

Анализируя костюмъ, одѣтый на князьяхъ, представленный на вышеупомянутыхъ памятникахъ, авторъ ставитъ подъ вопросомъ ихъ чисто русское происхожденіе.

Основную часть изслѣдованія представляетъ 4-я глава, гдѣ авторъ подробно останавливается на уясненіи костюмовъ княжеской семьи, изображенной въ трирскихъ миниатюрахъ.

Каждому одѣянію онъ подыскиваетъ соотвѣтствующее названіе, пользуясь для этого «Книгой о церемоніяхъ византійскаго двора», въ которой отмѣчаются подробно отличія въ костюмахъ разныхъ чиновъ двора: «русскіе князья, говоритъ авторъ, не сами по себѣ и даже не непосредственно имѣли (у византійскихъ императоровъ) этихъ отличій, придворныхъ сановъ и связанныхъ съ ними облаченій, но лишь вслѣдствіе родственныхъ и иныхъ связей съ дворами болгарскимъ, сербскимъ, венгерскимъ, и польскимъ, и устанавливающагося, такимъ образомъ, соперничества» (56). Кромѣ того авторъ, въ виду той-же причины, пользуется и другимъ византійскимъ источникомъ — сочиненіемъ Кодина «De officiis».

Закончивъ обзоръ бытовыхъ матеріаловъ, представляемыхъ миниатюрами Трирской Псалтыри, авторъ говоритъ, что теперь «слѣдовало бы спросить себя: насколько всѣ эти матеріалы могутъ считаться обязательными въ вопросѣ о русскіхъ древностяхъ кievскаго періода», и отвѣчаетъ: «Конечно, съ точки зрѣнія, выставленной Артуромъ Газеловымъ, нельзя было бы сомнѣваться въ значеніи этихъ матеріаловъ, такъ какъ, по его мнѣнію, эти миниатюры, относящіяся къ византійскому искусству, несомнѣнно, происходятъ изъ Россіи. На нашъ взглядъ, дѣло оказывается не столь простымъ, и могло бы быть рѣшено только послѣ всесторонняго сравненія съ аналогичными памятниками, въ различныхъ мѣстахъ Европы, что, однако, предоставляемъ сдѣлать другимъ» (115).

Какъ ни мало утѣшительно заключеніе автора, однако и за то, что сдѣлано имъ, нельзя не принести благодарности: оно вкладъ въ науку. Е. Р.

Каталогъ собранія древностей графа Алексѣя Сергѣевича Уварова. Отд. IV—VI¹⁾. М. 1907. Съ многочисл. рис. и таблицами. (Изданіе гр. П. С. Уваровой).

1) Но въ началѣ казалось имѣется еще и III-й отдѣлъ (предметы, добытые въ курганахъ).

Какъ извѣстно, въ знаменитомъ Порѣченскомъ Музеѣ покойнаго гр. А. С. Уварова имѣется богатѣйшее собраніе разнообразныхъ русскихъ древностей. Графъ Уваровъ еще при жизни составилъ каталоги для нѣкоторыхъ отдѣловъ музея, его смерть помѣшала ему издать ихъ. Исполняя желаніе покойнаго, графиня Уварова издала уже нѣсколько каталоговъ, составленныхъ специалистами. Въ настоящее же время ею изданъ каталогъ, въ значительной части составленный покойнымъ. Это отдѣлы IV—VI, обнимающіе: 1) иконы на доскахъ, 2) шитыя иконы, 3) финифтяныя издѣлія. Каждому отдѣлу предпосылается введеніе. Изъ введенія къ III-му отдѣлу узнаемъ, что графъ А. С. Уваровъ, составляя свою коллекцію иконъ, задался главною цѣлью собрать по возможности большее количество *иконъ символическихъ*, или тѣхъ, которыя раскрываютъ намъ тайникъ народной души, народныхъ пониманій и поэтическихъ воззрѣній на Божество, загробную жизнь, дѣянія святыхъ и пр. Подобное направление въ составѣ коллекціи придало и особый колоритъ каталогу этой коллекціи, оставленному графомъ въ неоконченномъ видѣ. Графъ называетъ икону, рѣдко ее описываетъ, почти не раздѣляетъ иконъ на школы (отлично, очевидно, понимая трудность задачи при малой разработанности въ наукѣ русской иконописи), но все вниманіе посвящаетъ ихъ символизму, приводитъ стихиры и кондаки, которые икона имѣетъ цѣлью пояснить и развить, указываетъ на источники, подлинники, житія святыхъ и пр.

И въ такомъ видѣ этотъ каталогъ очень полезенъ, и явится существеннымъ подспорьемъ для работниковъ въ области древне-русскаго искусства. Лучшія иконы изданы въ прекрасныхъ фототипіяхъ.

Пятый отдѣлъ посвященъ шитымъ иконамъ. Этотъ отдѣлъ особенно богатъ выдающимися памятниками, часть которыхъ также воспроизведена въ фототипіяхъ; укажемъ на знаменитую пелену княгини Евфросиньи (№ 1), шитыя иконы съ изображеніемъ князя Теодора Ярославича и др. (№ 8), иконы съ изображеніемъ Богородицы съ Младенцемъ «кѣжъ Андрѣевы Ивановича послужилцы инокѣ Маріи» (№ 28).

Весьма богатъ цѣлымъ рядомъ выдающихся памятниковъ и VI-й отдѣлъ — финифтяныя издѣлія; укажемъ на серьги колты — византийская перегородчатая финифть изъ могилы, вскрытой въ Кіевѣ близъ Десятинной церкви, — воспроизведенныя въ прекрасной таблицѣ въ краскахъ (№ 1), на ожерелье — той-же работы и оттуда-же (№ 2), на замѣчательный крестъ X—XI в. (№ 3) и другой в. XII (№ 4). Въ собраніи имѣются выдающіеся памятники и русской финифти и иноземной, которые также воспроизведены въ краскахъ.

Въ общемъ — каталогъ высокополезное научное изданіе, которое должно быть отмѣчено съ благодарностью и обратить на себя вниманіе въ научной литературѣ.

Е. Р.

А. И. Успенскій, *Очерки по исторіи русскаго искусства*. Древне-Русская живопись (XV—XVIII вв.). М. 1906. 72 снимка. (Изд. журн. Золотое Руно).

Неутомимый работникъ по изданію памятниковъ древне-русскаго искусства, обогатившій нашу археологическую научную литературу цѣлой серіей полезныхъ изданій, А. И. Успенскій, продолжаетъ свои изысканія, и въ послѣднее время вновь выпустилъ рядъ трудовъ, изъ которыхъ особый интересъ представляетъ тотъ, заглавіе котораго выставлено выше. Онъ представляетъ собою рядъ небольшихъ очерковъ, посвященныхъ древне-русской живописи, при чемъ каждый сопровождается изданіемъ выдающихся памятниковъ.

1-й очеркъ «Иконописаніе въ Россіи до второй половины XVII вѣка» представляетъ повтореніе обобщеній Ѳ. И. Буслаева, Н. П. Лихачева и др. Какъ статья для популярнаго журнала, онъ имѣетъ свой интересъ и значеніе.

Высокаго интереса по цѣнности сообщаемыхъ свѣдѣній и издаваемыхъ памятниковъ — второй очеркъ «Фрески паперти Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ» и равно третій «Вліяніе иностранныхъ художниковъ на русское искусство во второй половинѣ XVII вѣка». Во второмъ онъ излагаетъ исторію реставраціи Благовѣщенскаго собора и издаетъ фрески, открытыя реставраторомъ Фартусовымъ. Фрески эти, вѣроятно XVI в., привлекаютъ вниманіе своимъ художественнымъ исполненіемъ, въ нихъ видна рука художника итальянца эпохи Возрожденія. Авторъ не подвергаетъ ихъ изученію и изслѣдованію, котораго онѣ заслуживаютъ. Фрески погибли при дальнѣйшихъ реставраціяхъ и становятся извѣстны теперь, благодаря открытію авторомъ фотографій, снятыхъ съ нихъ при Фартусовѣ (въ 1882 г.).

Третій очеркъ написанъ авторомъ съ увлеченіемъ, живо, сообщаетъ много новыхъ данныхъ и является лучшимъ среди другихъ.

Четвертый очеркъ — «Живописецъ Василій Познанскій, его произведенія и учениковъ» весьма интересенъ, такъ какъ даетъ совершенно новый матеріалъ; авторъ сдѣлалъ открытіе — оригинальныя произведенія живописца Василя Познанскаго и его учениковъ; это новыя страницы въ исторіи русскаго искусства 2-й половины XVII в. Познанскій былъ специалистъ — живописи на матеріяхъ и открытыя А. И. Успенскимъ произведенія его — именно этого рода; они исполнены имъ въ 1682 г.: «наклепный» или «наборный» иконостасъ церкви Распятія Господня, что въ Кремлевскомъ дворцѣ (въ Москвѣ). Дѣйствительно справедливо отмѣчаетъ авторъ: «Можно сказать, что Познанскому очень посчастливилось въ данномъ случаѣ, болѣе, чѣмъ какому-либо изъ художниковъ XVII вѣка въ Кремлевскомъ дворцѣ; все погибло — частью отъ пожаровъ, а главнымъ образомъ отъ невѣжественнаго отношенія къ художественной старинѣ лицъ, завѣдывавшихъ реставраціями и украшеніями дворцовъ. Удивительная случайность помогла сохраниться картинамъ Познанскаго».

Онѣ детально описаны авторомъ съ приведеніемъ даже современной описи ихъ. Авторъ не даетъ характеристики художника, но изданныя имъ произведенія его — отлично говорятъ о немъ: это — выдающійся худож-

никъ, несомнѣнно находившійся подъ вліяніемъ произведеній западныхъ художниковъ.

Весьма подробно изложена судьба его—по даннымъ документовъ, съ приведеніемъ ихъ цѣликомъ.

Очеркъ, повторяемъ, цѣнный вкладъ въ исторію русской живописи.

Послѣдній очеркъ «Русскій жанръ XVII вѣка»—замѣтка изъ исторіи русской миниатюры. Авторъ справедливо указываетъ, что исторію бытового жанра можно начинать не съ XIX вѣка, а гораздо раньше и представляетъ этому доказательство—приведеніемъ примѣровъ этого жанра, конечно, въ своеобразномъ исполненіи, изъ рукописи XVII в. Оружейной Палаты № 9312 «Душевное лѣкарство».

Е. Р.

А. И. Успенскій, Царскіе иконописцы въ XVII в. Матеріалы, извлеченные изъ документовъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора. Вып. I. СПб. 1906.

Изданіе архивныхъ документовъ является весьма полезнымъ особенно для такой области, какъ памятники искусства, часто не достигающіе и становящіеся извѣстными лишь по этимъ документамъ. Оно является также важнымъ и въ другихъ отношеніяхъ: для біографіи мастеровъ, для исторіи техники и т. п.

Русская научная литература еще такъ бѣдна свѣдѣніями о такъ называемыхъ царскихъ иконописцахъ XVII в., и потому нельзя не привѣтствовать появленія въ свѣтъ всѣхъ архивныхъ документовъ, имѣющихъ къ нимъ отношеніе. Предъ нами 1-й вып. изданія ихъ А. И. Успенскимъ. Надо лишь пожелать скорѣйшаго выхода слѣдующихъ выпусковъ и того, чтобы пользованіе матеріалами было по возможности облегчено соотвѣтствующими указателями. Разъ изданіе выходитъ по выпускамъ, желательно было бы, чтобы и пользованіе ими было облегчено тѣми-же указателями; въ послѣднемъ выпускѣ ихъ можно будетъ соединить. Желательны были бы и предисловія къ выпускамъ, въ которыхъ отмѣчалось бы вкратцѣ значеніе издаваемыхъ матеріаловъ, или по крайней мѣрѣ главное содержаніе ихъ, чтобы читатель могъ знать, что можетъ найти въ нихъ.

Е. Р.

А. Успенскій, Записки книги и бумаги старинныхъ дворцовыхъ приказовъ. Документы XVIII—XIX в. бывшаго Архива Оружейной Палаты. М. 1906.

Книга представляетъ собою окончаніе извѣстнаго изданія А. Е. Викторова «Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ» (1584—1725 г.), вв. 1 и 2. Это—драгоценный матеріалъ для исторіи русскаго быта, искусства. Къ книгѣ приложены указатели къ данному выпуску и алфавитные указатели А. Е. Викторова къ первымъ двумъ выпускамъ (стр. I—CLXIV).

Е. Р.

Изображеніе Богоматери. Изданіе С. Т. Большанова подъ редакціей А. И. Успенскаго. Москва 1905.

Иконографія Богородицы представляетъ одну изъ важнѣйшихъ

отраслей христіанской археологіи, къ сожалѣнію, также еще мало разработанную. Извѣстныя доселѣ обозрѣнія святочтимыхъ, славныхъ и чудотворныхъ иконъ Божіей Матери не предслѣдуютъ чисто научной цѣли — поставить предметъ на историческую основу; въ нихъ главнымъ образомъ отмѣчаются лишь чудеса, легенды, связанныя съ извѣстными иконами; вопросъ же о типахъ иконъ, ихъ генезисѣ, вліяніи въ данномъ отношеніи однихъ на другіе — остается открытымъ.

И обозначенное выше въ заглавіи изданіе С. Т. Большакова не преслѣдуетъ чисто научныхъ цѣлей; оно имѣетъ въ виду главнымъ образомъ иконописцевъ и любителей церковной старины, желающихъ имѣть подлинникъ изображеній Богоматери; тѣмъ не менѣе оно, конечно, можетъ служить и научнымъ цѣлямъ, какъ матеріалъ, какъ воспроизведеніе памятника, правда довольно поздняго, со множествомъ изображеній Богородицы.

Изданію предпослано предисловіе редактора. Послѣдній ограничилъ свою задачу указаніемъ на извѣстныя ему другія русскія изданія, относящіяся къ изображеніямъ Богоматери. Къ этимъ указаніямъ необходимо было бы присоединить справку и о научной литературѣ предмета; напр. весьма существенно было бы указаніе на трудъ акад. Н. П. Кондакова «Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ», Спб. 1902, въ которомъ имѣется воспроизведеніе и описаніе большинства аѳонскихъ иконъ Божіей Матери и наряду русскихъ. Наконецъ — во всякомъ случаѣ необходимо было бы указать на достоинство издаваемого подлинника сравнительно съ другими и дать хотя бы небольшія историческія справки о каждой иконѣ и указанія, гдѣ имѣются лучшія воспроизведенія ихъ. Изображенія въ изданіи Большакова воспроизведены переводами съ его рукописи, писанной въ 1832 г.

Е. Р.

А. А. Титовъ, *Кремль Ростова Великаго*. М. 1905. VII+128 стр. съ многочисл. рис. Ц. 2 руб. — Ростовъ Великій извѣстенъ своими многочисленными памятниками родной старины. Книга автора посвящена имъ, а равно исторіи реставраціи Кремля, и описанію этихъ реставрацій. Чтеніе книги А. А. Титова доставляетъ большое удовольствіе при развитіи предъ нимъ той картины, которая получается при любви и вниманіи къ памятникамъ старины: погибающіе они словно чудомъ оживаютъ, возстаиваются въ своемъ быломъ величіи — при содѣйствіи данныхъ науки археологіи.

Е. Р.

А. Никольскій, *Софія премудрость Божія*. (Новгородская редакція иконы и служба св. Софіи). Спб. 1905, 34 стр. (Отд. отт. изъ «Вѣстника Археологіи и Исторіи», вып. XVII).

Авторъ ставитъ задачей своей работы — отвѣтить на вопросъ: Что разумѣли греки и русскіе подъ именемъ Святой Софіи Премудрости Божіей? Прямой и точный отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ полагаетъ найти въ анализѣ, во первыхъ храмовыхъ иконъ Софійскихъ и во вторыхъ службы св. Софіи Премудрости Божіей.

Исполняя свой планъ, авторъ разсматриваетъ два извѣстныхъ типа этихъ иконъ: Новгородскій и Кіевскій. Въ первомъ св. Софія — Матерь Божія, во второмъ, по мнѣнію автора, возможно то или иное толкованіе (Богородица или Спаситель).

Авторъ приводитъ толкованіе Новгородской иконы Зиновія Отенскаго (XVI в.), Іоанникія Лихуды, толкованіе, извѣстное по спискамъ XVII в. (изд. Тихонравовымъ); въ первыхъ двухъ подъ Софіей разумѣется Спаситель, въ третьемъ Дѣва, какъ и въ спискѣ XV в. того-же толкованія.

Итакъ автору не помогаетъ для точнаго отвѣта анализъ иконъ. Онъ желаетъ знать—какова была храмовая икона Софійскаго Константинопольскаго храма; но у него нѣтъ данныхъ для этого, онъ обращается къ сказаніямъ, и ничего изъ нихъ поучительнаго не выводитъ, и вдругъ для чего-то ссылается на авторитетъ Макарія, что икона св. Софіи Новгородская современна Новгородскому Софійскому собору и писана съ греческаго подлинника греческими изографами. Такимъ образомъ, очевидно, по автору, надо выводить, что подъ Софіей греки и русскіе разумѣли Христа. Объ Ангелѣ, его роли въ образѣ авторъ ни слова.

Анализъ службы св. Софіи, однако, автора не приводитъ ни къ чему опредѣленному, и на этомъ авторъ (стр. 11) заканчиваетъ свою статью, не сдѣлавъ никакого вывода изъ своихъ наблюденій. Оказалось, что прямого и точнаго отвѣта онъ не получилъ.

Большихъ результатовъ при его матеріалѣ, намъ казалось, можно было бы получить, если бы къ литературному матеріалу привлечь археологическій—памятники искусства византійскаго и русскаго.

Цѣнный матеріалъ статьи—въ приложеніяхъ.

Е. Р.

Д. В. Айналовъ, *Фресковая роспись храма Успенія Богородицы въ Свіаѣжскомъ мужскомъ Богородицкомъ монастырѣ*. М. 1906. 38 стр., 3 фотот. таб., съ рис. въ текстѣ (Отд. от. изъ Древностей Трудовъ Импер. Моск. Археол. Общ., т. XXI, вып. 1).—Роспись храма Успенія Богородицы въ Свіаѣжскомъ монастырѣ—одинъ изъ драгоцѣнныхъ памятниковъ русской живописи XVI в., и потому такъ важно для русской археологіи, что наблюденіе надъ ея реставраціей и связанное съ этимъ изслѣдованіе ея выпало на долю бывшаго проф. Казанскаго, а нынѣ С.-Петербургскаго Университета Д. В. Айналова. Роспись во многомъ, конечно, благодаря этому спасена, и реставрирована согласно научнымъ требованіямъ. Въ статьѣ, заглавіе которой выставлено выше, подробно излагается способъ реставраціи, указываются открытія древней живописи, и дается кромѣ детального описанія ея—изслѣдованіе—и въ стилистическомъ отношеніи, и въ иконографическомъ. Это — цѣнный матеріалъ для исторіи древне-русскаго искусства.

Е. Р.

Д. В. Айналовъ, *Примѣчанія къ тексту книги «Паломникъ» Антонія Новгородскаго*. (Ж. М. Н. П., 1906, VI, 233—276).

«Хожденіе Антонія Новгородскаго въ Царьградъ» пользуется широкою извѣстностью въ ученomъ мірѣ. Текстъ его книги изобилуетъ множе-

ствомъ свѣдѣній о реликвіяхъ, святыняхъ и храмахъ Царьграда до разграбленія его въ 1204 г. латинянами. Съ указаніями книги «Паломникъ» обязательно считается также всякій, занимающійся искусствомъ и древностями Византіи и древней Руси.

Во многихъ случаяхъ, однако, пользованіе текстомъ Антонія безъ предварительнаго разслѣдованія является не только затруднительнымъ, но иногда и невозможнымъ. Святыни, упоминаемыя имъ, большею частью погибли, ихъ исторія темна и потерялась въ прошломъ. Къ этимъ трудностямъ прибавляется еще различіе въ чтеніяхъ разновременныхъ рукописей, требующее самостоятельной оцѣнки каждаго варианта.

Въ силу указанныхъ причинъ Д. В. Айналовъ въ выше названной въ заголовкѣ статьѣ и даетъ предварительныя разслѣдованія текста Антонія, что и составляетъ его примѣчанія къ его книгѣ «Паломникъ».

Такого рода работа, сдѣланная при томъ специалистомъ археологомъ, можно сказать — одно изъ рѣдкихъ явленій въ нашей научной литературѣ. Въ виду ея плодотворныхъ результатовъ она должна быть особенно привѣтствуема.

Авторъ комментируетъ, пользуясь различными разночтеніями «Хожденія» и другими литературными источниками вродѣ устава Константина Порфиророднаго и др., выраженіе «се азъ придохомъ» и доказываетъ, что здѣсь употребленіе множественнаго числа обусловлено, какъ и въ Копенгагенской рукописи, способомъ хожденія въ чужія земли и связывается съ тѣми условіями осмотра святынь, которыя практиковались въ Византіи въ эпоху Антонія: послѣдній дѣлалъ осмотръ святынь съ цѣлымъ посольствомъ, цѣлымъ обществомъ поклонниковъ (235). Въ выраженіи «Поклонихомся святѣй Софіи» — подъ святой Софіей, по мнѣнію комментатора, надо разумѣть, не икону св. Софіи, а самый храмъ (237). Весьма подробный, обильный замѣчательными наблюденіями, остроумными сопоставленіями комментарій «небеси подобна» — по отношенію къ церкви св. Софіи устраниющій мнѣніе о пользованіи Антоніемъ нашей лѣтописи (247). По комментарію «Двѣ досцѣ» — двѣ гробныя доски (съ печатами гробными) — двѣ части отваленнаго камня отъ Гроба Господняго (261). Комментарій объ иконѣ Богородицы съ младенцемъ и Христѣ, источавшемъ кровь — представляетъ особыя трудности; весьма интересны и слѣдующія о святомъ кладезѣ, объ устьѣ Самарійскаго колодца и іерихонскихъ трубахъ.

Авторъ будетъ продолжать и далѣе свой интересный и поучительный комментарій «Паломника».

Е. Р.

Д. Айналовъ, *Два примѣчанія къ мѣтописному исповѣданію епрм.* СПб. 1906. 10 стр. (Оттискъ изъ Сборника статей въ честь В. И. Ламанскаго). — Эти примѣчанія, касающіяся Хоневтиріона Аарона и «запоны», такъ же, какъ и примѣчанія къ «Паломнику» Антонія Новгородскаго, представляютъ большой интересъ, и показываютъ, какъ необходимо для

уясненія нашихъ литературныхъ памятниковъ привлеченіе данныхъ памятниковъ археологическихъ.

Е. Р.

Московская церковная старина. Труды Коммиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и Московской Епархіи, издаваемые подъ редакціей предсѣдателя Коммиссіи А. И. Успенскаго. Томъ 3-й, вып. 1-й и 2-й. М. 1905—1906. Съ многочисл. рис. въ текстѣ, переводами и фототип. табл. (ц. 15 р.—15 р.).

Коммиссія по изданію памятниковъ церковной старины г. Москвы и Московской епархіи съ достойной подражанія энергіей работаетъ для дѣла изученія родной старины. Ею издается уже 3-й томъ своихъ трудовъ, который обладаетъ тѣми-же достоинствами, на какія мы указывали въ нашемъ отзывѣ по поводу выхода въ свѣтъ 1-го тома. Можно смѣло сказать, что «Труды» Коммиссіи уже внесли цѣнный вкладъ въ русскую археологію, издавъ множество весьма интересныхъ и важныхъ памятниковъ, довольно детально описанныхъ. При изданіяхъ Коммиссіи возможно дальнѣйшее изученіе ихъ и изслѣдованіе. Наряду съ этимъ изданіе Коммиссіи—своего рода регистрація памятниковъ, благодаря которой, можно надѣяться, памятники въ будущемъ не погибнутъ—по произволу своеобразныхъ реставраторовъ и любителей мнимаго благолѣпія.

Въ обоихъ выпускахъ много цѣнныхъ статей самого редактора А. И. Успенскаго.

Въ 1-мъ выпускѣ его статьи: 1) Древнія иконы изъ разныхъ церквей и частныхъ собраній. 2) Житіе св. Іоны, митрополита Московскаго. 3) Дѣянія св. ап. Петра (переводы съ иконы XVII в.). Во 2-мъ: 1) Церковь св. Николая Чудотворца на Берсеневкѣ.

Изъ статей другихъ авторовъ отмѣтимъ: Въ 1-мъ выпускѣ: Д. И. У—аго, Небесные цѣлители отъ трясовичнаго недуга (весьма интересный матеріалъ къ исторіи народныхъ вѣрованій — издается икона св. Сисинія и Мароя; арх. Сихаиль поражаетъ двѣнадцать сестеръ лихорадокъ); свящ. А. І. Рѣчменскаго, Икона XVII в. изъ моего собранія; Ю. Г. Гендуни, Икона-складень XVII в.; Вл. К. Клейна, Надписи на гробницахъ въ церкви Николая на Столпахъ. Во 2-мъ выпускѣ: Я. А. Полякова, село Губайлово-Знаменское, Московскаго уѣзда; В. П. Гурьянова, Двѣ мѣстныя иконы св. Троицы въ Троицкомъ соборѣ Свято-Троицко-Сергіевой Лавры и ихъ реставрація (весьма интересная статья, дающая цѣнный матеріалъ къ характеристикѣ Андрея Рублева, благодаря очисткѣ отъ словъ реставраціи на его замѣчательной иконѣ Св. Троицы въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, къ статьѣ приложено нѣсколько прекрасныхъ фототипій); Н. П. Виноградова, Церковь св. Николая, именуемая Стрѣлцою, что у Боровицкихъ воротъ въ Москвѣ; В. М. Метталова, Къ исторіи русскаго церковнаго пѣнія XV, XVI, XVII вв.; Л. И. Денисова, Агіологическія замѣтки. І. Неканонизованный святой Ярославской губ. на Московской иконѣ. II. Частицы мощей Анны Кашинской въ иконѣ Спиридоновской церкви въ Москвѣ; Вл. К. Клейна, Матеріалы

для исторіи храмовъ Московской епархіи; Н. П. Виноградова, Библиографическій указатель. Е. Р.

Jean Ebersolt, *Fresques byzantines de Nérédictsi d'après les aquarelles de M. Brajlowski* (23 стр. съ 6 рис. въ текстѣ и 2 фототип. табл.). Paris 1906 (Extrait des Monuments et Mémoires, Fondation E. Piot, t. XIII, fasc. 1).

Роспись Нередицкой церкви, сохранившаяся отъ XII в. до нашего времени почти въ полной сохранности, представляетъ собою драгоценный памятникъ русско-византійскаго искусства, изученіе и изслѣдованіе котораго во всемъ цѣломъ составляетъ одну изъ насущныхъ задачъ русской археологіи. Но, увы, этотъ памятникъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ изображеній въ трудахъ проф. Н. В. Покровскаго и гр. И. И. Толстого и акад. Н. П. Кондакова, почти не изданъ.

Весьма возможно, что въ недалекомъ будущемъ такую задачу изданія возьметъ на себя западно-европейская наука, особенно, когда русскіе архитекторы, или живописцы, или даже русскій ученый преподнесетъ въ даръ западнымъ ученымъ альбомъ своихъ копій съ фресокъ Нередицкой церкви, или цѣлую серію фотографій съ нихъ.

Нѣчто въ этомъ родѣ уже сдѣлано г. Браиловскимъ (профессоромъ школы изящныхъ искусствъ въ Москвѣ): онъ для ознакомленія французской публики съ русскимъ памятникомъ, какъ рассказываетъ авторъ статьи, заглавіе которой выставлено выше, преподнесъ въ даръ г-ну Милле фотографіи со своихъ акварелей, а послѣдній, очевидно, обратилъ вниманіе на нихъ своего коллеги, и вотъ научная французская литература обогащена новой статьей о русскомъ памятникѣ, благодаря замѣчательному вниманію русскаго художника къ иностранной научной литературѣ.

Конечно, французская публика, о которой онъ заботился, попрежнему не будетъ знать о русскомъ памятникѣ (статья помѣщена въ спеціальномъ археологическомъ журналѣ), и спеціалисты мало по ней узнаютъ о памятникѣ сравнительно съ тѣмъ, что они могли узнать по русскимъ изданіямъ, но несомнѣнно все же для большинства французскихъ археологовъ задача ознакомленія съ памятникомъ, хотя и поверхностно—облегчена.

Авторъ спеціально останавливается на обзорѣ росписи, способѣ размѣщенія ея, и объясненія ея въ связи съ символическимъ толкованіемъ отдѣльных частей храма. Онъ мало знакомъ съ литературой предмета, и попрежнему очень увлекается ссылкой на Руководство Панселина, изданное Дидрономъ.

По украшающимъ статью цинкографіямъ и фототипіямъ мы не можемъ судить о достоинствѣ копій г. Браиловскаго; авторъ воспользовался ими какъ бы лишь для плана расположенія изображеній фресокъ: изображенія слишкомъ мелки и почти всѣ испорчены цинкографіей: по

нимъ нельзя судить ни о типахъ фигуръ, ни о стилѣ памятника; двѣ фототипіи тоже мало помогаютъ этой цѣли.

Нельзя не пожелать, чтобы акварели г. Браиловскаго нашли себѣ мѣсто и въ русской научной литературѣ — послѣ ознакомленія съ ними русскихъ ученыхъ, чтобы церковь Спаса въ Нередицѣ, ея фрески были детально обследованы въ русской археологической литературѣ, чтобы эти фрески были сфотографированы, и фотографіи стали достояніемъ русской литературы.

Е. Р.

П. П. Покрышкинъ, *Отчетъ о капитальномъ ремонтѣ Спасо-Нередицкой церкви въ 1903 и 1904 годахъ*. Съ 27 таблицами и 13 рисунками въ текстѣ; 36 стр. in f., СПб. 1906 (Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою Коммиссіею. № 30).

Императорская Археологическая Коммиссія своими изданіями вноситъ драгоцѣнный вкладъ въ науку русской археологіи.

Въ эти изданія стали входить и отчеты по ремонту тѣхъ или иныхъ памятниковъ древности, совершающемуся подъ ея наблюденіемъ въ лицѣ тѣхъ или иныхъ специалистовъ, или цѣлой Коммиссіи ихъ. При реставраціяхъ, какъ извѣстно, дѣлаются открытія различныхъ памятниковъ, различныхъ данныхъ для выясненія извѣстнаго памятника, напр. церкви, способа ея кладки, способа покрытія, и т. п. Словомъ, изслѣдователь получаетъ цѣлый рядъ новыхъ данныхъ, весьма важныхъ, которыя при иныхъ условіяхъ трудно было бы добыть.

Поэтому нельзя не привѣтствовать изданій этого рода, т. е. отчетовъ, предпринимаемыхъ Коммиссіею.

Книга, заглавіе которой выставлено выше, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ: она дѣйствительно вноситъ много цѣннаго матеріала для будущаго всесторонняго изслѣдованія Спасо-Нередицкой церкви.

Руководитель ремонта, авторъ книги, архитекторъ П. П. Покрышкинъ съ любовью отдался дѣлу изученія того матеріала, который открывался предъ нимъ постепенно при ремонтѣ церкви, и оттого, полагаемъ его отчетъ вышелъ не простымъ отчетомъ, а своего рода научной работой изъ исторіи древне-русскаго церковнаго зодчества; имѣемъ въ виду особенно главы е, ж, з: наблюденія надъ архитектурными особенностями храма, колосники, обломки каменныхъ крестовъ и другіе архитектурные обломки. Цѣнность книги увеличивается еще благодаря многочисленнымъ таблицамъ и рисункамъ — драгоцѣнному матеріалу для изслѣдователей. Изъ этого отчета мы узнаемъ о работахъ художника архитектора Л. М. Браиловскаго, объ его аквареляхъ, о которыхъ говорили ранѣе въ замѣткѣ по поводу статьи Ebersolt'a. Акварельные рисунки съ фресокъ исполнены имъ на мѣстѣ лѣтомъ 1903 г. «Его работы, законченныя имъ затѣмъ въ Москвѣ и представляющія полную картину росписи Спасо-Нередицкой церкви, приобрѣтены Императорскою Академіею Художествъ и выставлены въ ея архитектурномъ музеѣ. У самого художника имѣются его этюды и съ внѣшняго вида церкви до ея ремонта. Несмотря на су-

ществованіе акварельныхъ копій художника Н. А. Мартынова, хранящихся въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ и исполненныхъ ранѣе 1867 года, работу Л. М. Браиловскаго нельзя назвать излишнею, какъ попытку представить общее художественное впечатлѣніе, производимое росписью. Работа Н. А. Мартынова даетъ детали фресокъ¹⁾, работа Л. М. Браиловскаго—общее расположеніе и колоритъ. Фотографъ Археологической Коммиссіи И. О. Чистяковъ исполнилъ до 200 фотографическихъ снимковъ съ фресокъ (полный альбомъ Чистяковъ исполняетъ по заказу за 100 рублей)».

Е. Р.

R. P. Gaffre, *Les portraits du Christ. Études d'icônographie religieuse*. Ouvrage illustré de 25 planches hors texte et de 130 gravures dans le texte. Paris 1903. — Тотъ, кто возьметъ эту книгу въ надеждѣ найти въ ней этюдъ по иконографіи Христа, горько разочаруется. Это — наборъ напыщенныхъ фразъ, слащаваго благочестія, это — праздная забава «отца» на тему о портретахъ Христа — что-то читавшаго, что-то выдавашаго и все связывающаго въ одну кучу съ видомъ глубокаго знатока. Жаль прекрасныхъ иллюстрацій, украшающихъ книгу, и удивительно отсутствіе знанія болѣе новыхъ изданій древне-христіанскихъ и византійскихъ памятниковъ: въ то время какъ существуютъ прекрасныя изданія этихъ памятниковъ, сдѣланныя согласно научнымъ требованіямъ, авторъ воспроизводитъ фантастическіе рисунки или по рисунку своего фантазера художника, или по изданіямъ XVIII вѣка.

Достаточно указать на табл. I — рисунки съ саркофага Юнія Басса, Арльскаго, Равеннскаго саркофага и миниатюры Ев. Рабулы: это свободная фантазія на тему сюжетовъ указанныхъ памятниковъ. Такого же характера табл. II, f. 96, табл. XIX, f. 111, f. 114, 115, 118, 121 и др.

Впрочемъ нужно быть справедливымъ: самъ авторъ въ предисловіи въ своей книгѣ указываетъ, что она не претендуетъ на научность.

Е. Р.

Monumenti d'arte medioevale e moderna. Pubblicati a cura di **A. Muñoz**. 1906. Fasc. 1. Danesi editore. Roma. — Съ 1906 г. началъ выходить подъ редакціей извѣстнаго испанскаго археолога А. Муноза интересный журналъ, посвященный спеціально изданію памятниковъ средневѣковаго и новаго искусства. Судя по первому выпуску — изданіе заслуживаетъ самого широкаго распространенія: прекрасныя фототипіи, и краткій, но точный описательный текстъ. Памятники для изданія избираются или совершенно неизвѣстные, или малоизвѣстные.

Е. Р.

Diego Angeli, *Le chiese di Roma*. Guida storica e artistica delle basiliche, chiese e oratorii della città di Roma. Roma, 16 d., 662 стр. — Книга представляетъ сухой, кратчайшій путеводитель по всѣмъ церквямъ Рима; не имѣетъ научнаго значенія.

Е. Р.

1) См. объ этихъ рисункахъ у гр. Толстого и Н. П. Кондакова, *Русскія Древности*, VI, 134.

Arnoldo Cocchi, *Le chiese di Firenze dal secolo IV al secolo XX*. Volume I. Quartiere di S. Giovanni. Firenze 1903. — Это такой же путеводитель по церквамъ Флоренціи, какъ Анджели по церквамъ Рима; но въ противоположность послѣднему онъ имѣетъ научное значеніе, благодаря розысканіямъ автора въ архивахъ и пользованію литературой предмета. Весьма интересны снимки со старинныхъ видовъ церквей.

Е. Р.

Carl Maria Kaufmann, *Handbuch der christlichen Archäologie*. Mit 239 Abbildungen. Paderborn. 1905. XVIII+632 стр. — Среди новѣйшихъ общихъ курсовъ по археологіи христіанскаго искусства — книга Кауфмана, заглавіе которой выставлено нами выше, должна будетъ занять почетное мѣсто по добросовѣстному отношенію къ дѣлу, по обширному знакомству съ новѣйшей литературой, по группировкѣ матеріала, и по отношенію къ вопросу о происхожденіи христіанскаго искусства, и въ частности византійскаго.

Авторъ — не сторонникъ «римской школы»; онъ отдаетъ должное той школѣ, во главѣ которой стоитъ нашъ ученый — акад. Н. П. Кондаковъ, и общія положенія котораго въ деталяхъ развиваютъ проф. Д. В. Айналовъ, проф. Стржиговскій и др. Труды ихъ, а равно вообще изданія восточно-христіанскаго искусства въ общемъ знакомы автору. Къ сожалѣнію — въ виду незнанія русскаго языка — для него остаются незнакомы результаты новѣйшихъ изслѣдованій по мозаикамъ Рима, Равенны и византійскимъ миниатюрамъ, и соотвѣтствующія даннымъ памятникамъ части его книги во многомъ повторяютъ устарѣлые взгляды по этому поводу. — Въ общемъ, повторяемъ, книга Кауфмана — весьма полезный трудъ.

Е. Р.

Д. В. Айналовъ, *Памятники христіанскаго Херсонеса*. Вып. I. Развалины храмовъ. Москва 1905, I—VII, +144 стр. Изданіе графини П. С. Уваровой.

Изданіе христіанскихъ древностей Херсонеса, предпринятое графиней П. С. Уваровой и посвященное памяти графа А. С. Уварова, рассчитано на нѣсколько выпусковъ, выходъ которыхъ въ свѣтъ будетъ зависѣть отъ своевременнаго изготовленія текста участниками изданія.

Первый выпускъ «Христіанскихъ древностей Херсонеса», принадлежащій проф. Д. В. Айналову, посвященъ подробному описанію развалинъ храмовъ и усыпальницъ, открытыхъ въ разное время въ Херсонесѣ, съ присоединеніемъ историческихъ справокъ относительно тѣхъ изъ нихъ, которые были извѣстны первымъ путешественникамъ и описателямъ Херсонесскихъ развалинъ. Описаніе храмовъ приведено въ систему посредствомъ анализа ихъ конструктивныхъ и архитектурныхъ особенностей и сравненія ихъ между собою. Каждая развалина пояснена сверхъ того планомъ и фотографическимъ снимкомъ, представляющимъ современный видъ ея, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ непосредственно послѣ открытія ея. Въ тѣхъ рѣдкихъ, сравнительно, случаяхъ, когда раз-

валина оказывалась болѣе несуществующей, приложенъ планъ ея. Такимъ способомъ изученія храмовъ достигнуто возможно полное и подробное описаніе всего матеріала, установлены типическія его группы, а особенности каждой развалины приведены въ связь съ типическими чертами группъ. Иначе говоря, въ текстѣ даннаго выпуска матеріалъ, представляемый развалинами, изученъ самъ по себѣ, описанъ и изданъ. Работа, произведенная авторомъ, сложна, потребовала большаго вниманія и знанія дѣла, и, можно сказать, что благодаря такого рода работамъ христіанскій Херсонесъ будетъ возстановленъ въ своемъ прошломъ, и поставленъ на надлежащую научную почву. **Е. Р.**

P. Alessandro Ghignoni Barnabita, *San Giorgio nella legenda e nell' arte*. Ferrara. 1903. 23 стр.

Giuseppe Bortone, *Il Diavolo nell' arte*. Napoli. 1903. in 16°, 102 стр.

Двѣ популярныя лекціи, не дающихъ отвѣта на вопросы, на какіе ожидаешь найти въ книгѣ, если судить о ихъ содержаніи по заглавіямъ. Эти брошюры не имѣютъ научнаго значенія, и какъ популярныя лекціи мало поучительны. **Е. Р.**

Gennaro Bucchi, *Santa Sofia*. Firenze. 1903.—Книга—путевыя замѣтки съ историко-археологическими справками—научнаго значенія не имѣетъ. **Е. Р.**

Josef Kirchner, *Die Darstellung des ersten Menschenpaares in der bildenden Kunst von der ältesten Zeit bis auf unsere Tage*. Stuttgart. 1903. 284 стр., 105 рис.—Книга, также разочаровывающая читателя въ своихъ ожиданіяхъ. Увы, иконографія первыхъ людей рассказана очень бѣгло, поверхностно, и собственно иконографія здѣсь между прочимъ, а главное—нагое женское и мужское тѣло; книги изъ серіи изданій (Энке), посвященныхъ именно внѣшней формѣ, красотѣ человѣческаго тѣла: ребенка, женщины и т. д.

Не удивителенъ поэтому тотъ фактъ, что авторъ для византійской эпохи (*Die byzantinische Stilperiode*) отвѣлъ всего 10 страницъ (40—51), и съ нихъ онъ далъ характеристику всего христіанскаго искусства съ фальшивыми и претенціозными обобщеніями; автору очень мало знакомо византійское искусство. Книга имѣетъ интересъ, благодаря своимъ прекраснымъ иллюстраціямъ, которыми можно воспользоваться при научной работѣ. **Е. Р.**

Л. Воронцова (Григорьева), *Троицкіе иконописцы и ихъ отношеніе къ Москвѣ*. (Ж. М. Н. П., V, 1906, 27—43).—Авторъ на основаніи архивныхъ матеріаловъ даетъ прекрасную страничку къ исторіи иконописанія въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, о процвѣтавшихъ въ ней мастерскихъ иконописанія, объ отношеніяхъ къ Москвѣ. Свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, касаются спеціально XVII в. **Е. Р.**

Miss Gertrude Lowthian Bell, *Notes on a journey through Cilicia and Lycaonia*. (Revue Archéologique 1906, I—II, 1—30, V—VI, 385—415, VII—VIII, 7—37).—Въ статьѣ подъ выше упомянутымъ заглавіемъ дается

рядъ интересныхъ замѣтокъ о христіанскихъ памятникахъ Киликіи и Ликаоніи, съ многочисленными планами и видами зданій и другихъ памятниковъ. Е. Р.

O. Monceau, *Enquête sur l'épigraphie chrétienne d'Afrique*. (Revue archéologique, 1906, I—II, 177—193, III—IV, 260—280, VII—VIII, 126—143).

G. Millet, *L'Asie Mineure. Nouveau domaine de l'histoire de l'art*. (Rev. archéol. 1905, t. V, 92—109).—Авторъ знакомить съ содержаніемъ труда Стржиговскаго «Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte etc.» 1903 и дѣлаетъ нѣсколько критическихъ замѣчаній о немъ. Е. Р.

Jean Ebersolt, *Miniatures byzantines de Berlin*. (Revue archéol. t. VI, 1905, 55—70). — Авторъ описываетъ греческую рукопись Берлинской Библиотеки, № 246 Hamilton, частью (л. 1, 23, 50) X в., частью XIII в., содержащую Евангелиарій и Менологій. Миниатюрами украшены вставные листы X в.: Арх. Михаилъ и Григорій Богословъ (рис. 1), Благовѣщеніе и Рождество Христово (рис. 4), Крещеніе Христово (рис. 5), деисусъ (рис. 2), Петръ и Павелъ (рис. 3). Авторъ даетъ краткій иконографическій разборъ сценъ Рождества и Крещенія и болѣе подробно останавливается на архитектурной декораціи. Е. Р.

Арх. Михаилъ, *Искусство на Аѳонѣ* (Сообщеніе Императорскаго Православнаго Палест. Общества, 1906, вып. 2, 203—210). — Объ искусствѣ любятъ многіе писать и говорить; но не все изъ того, что говорится и пишется—достойно печати, особенно въ такомъ серьезномъ органѣ, какъ Сообщенія Палестинскаго Общества. И мы недоумѣваемъ при ознакомленіи со статьей почтеннаго о. Арх. Михаила— для чего ему понадобилось выразить въ полубеллетристической формѣ свои впечатлѣнія и разсужденія по поводу памятниковъ искусства на Аѳонѣ. Е. Р.

Jacquemier, *Le Palais de Caiaphe d'après la tradition*. (Échos d'Orient, VIII, 1905, 68—72). — Небольшой очеркъ къ исторіи зданій въ Иерусалимѣ, къ топографіи Иерусалима; авторъ пользуется отчасти литературой по палестиновѣдѣнію, отчасти данными, добытыми археологіей. Е. Р.

S. Vailhé, *Les monastères et les églises Saint-Étienne à Jérusalem* (Échos d'Orient VIII, 1905, 78—86).—Интересная статья, цѣликомъ имѣющая отношеніе къ археологіи памятниковъ Иерусалима. Выводы автора: 1) въ половинѣ V в. было два святилища св. Стефана въ Иерусалимѣ; 2) одно находилось въ сѣверной части города; это базилика Евдокіи, разрушенная Персами въ 614 г. и возстановленная въ меньшихъ размѣрахъ позже; 3) эта базилика въ 455—458 гг. разсматривалась, какъ построенная на мѣстѣ побіенія св. Стефана; эта традиція сохранилась до XII в.; 4) вторая церковь, посвященная св. Стефану и Іоанну Предтечѣ, существовала уже ранѣе 451 г. въ долинѣ Іосафата и извѣстна до IX в.; благодаря ей сложилось преданіе, что побіеніе св. Стефана произошло въ Кедронской долинѣ, возлѣ Геосиманіи. Е. Р.

Bousquet, *La société archéologique chrétienne d'Athènes*. (Échos d'Orient

VIII, 1905, 241 — 244). — Краткій очеркъ дѣятельности Общества христіанской археологіи въ Афинахъ за 20 лѣтъ. Е. Р.

A. Muñoz, *Stele copte nel Museo Egiziano*. (L'Arte 1905, VI, 446 — 451). — Авторъ издаетъ коптскія стелы (всего ихъ пять), хранящіяся въ Ватиканскомъ Египетскомъ Музеѣ, — прекрасное дополненіе къ изданію Crum'a, *Coptic Monuments. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire*. Le Caire 1902. Е. Р.

J. Durm, *Grabmal des Theoderich zu Ravenna* (Zeitschrift für bild. Kunst, 1906, X, 245 — 259). — Вышеназванная статья представляетъ собою обстоятельный очеркъ съ приведеніемъ мнѣній всѣхъ писавшихъ объ усыпальницѣ Теодориха въ Равеннѣ, всѣхъ деталей памятника, его архитектурныхъ формъ и орнаментики. Памятникъ, по заключенію автора, въ своей архитектурной концепціи указываетъ на сиро-финикійскіе образцы. Е. Р.

A. Muñoz, *Rappresentazioni allegoriche della «Vita» nell' arte bizantina* (L'Arte, IX, fasc. III). — Авторъ описываетъ барельефъ, хранящійся въ Оттоманскомъ Музеѣ въ Константинополѣ (рис. 1), гдѣ изображенъ крылатый юноша, съ тремя перами на головѣ; онъ стоитъ на колесѣ, въ одной рукѣ держитъ вѣсы, а въ другой пальму. Это—Каирось или Жизнь. Авторъ сопоставляетъ его съ тѣмъ, что изображенъ на торчелловомъ рельефѣ и въ Коптскомъ Музеѣ въ Каирѣ (№ 8757). На Оттоманскомъ Музеѣ — по сторонамъ его двѣ женскія фигуры Μετάνοια и Πρόνοια.

Авторъ сопоставляетъ эту аллегорію «жизни» съ той, что извѣстна въ житіи Варлаама и Иоасафа; къ приведеннымъ примѣрамъ въ 1-ой статьѣ (L'Arte, 1904, p. 130—145) онъ прибавляетъ: миниатюры въ рук. Барберини gr. 172 (рис. 3), въ Сербской Псалтири (Strzygowski, *Die Miniaturen des serbischen Psalters der Kgl. Bibliothek in München*. Denkschriften der Kais. Akad. der Wiss. in Wien, Band LII. Wien 1906, Taf. I, Fig. 98, p. 11 и 97) и въ нѣкоторыхъ русскихъ памятникахъ (Кіевской Псалтири 1397, Угличской 1485 г., и въ Житіи Варлаама и Иоасафа О. Л. Д. II). Е. Р.

A. Muñoz, *Sarcofagi asiatici* (L'Arte XI, fasc. 2). — А. Мунозъ, неутомимый работникъ въ области христіанскаго искусства, совершилъ недавно научное путешествіе по Востоку; во время его имъ было найдено два неизвѣстныхъ еще въ научной литературѣ саргофага, отнесенныхъ имъ по происхожденію къ азіатскимъ, отчасти уже имъ затронутыхъ въ обширной статьѣ: *Sarcofagi asiatici. Ricerche nel campo della scultura orientale dei bassi tempi* (Nuovo Bulletin di Archeologia cristiana 1905, p. 76 — 102). Авторъ предлагаетъ списокъ всѣхъ этихъ саргофаговъ и склоняется въ пользу ихъ малоазіатскаго происхожденія. Е. Р.

I. К. Прозрителевъ, *Древніе христіанскіе памятники на Сѣверномъ Кавказѣ*. Изд. Ставропольскаго Губ. Стат. Комитета. Ставрополь 1906. — Авторъ старательно собираетъ матеріалы—памятники христіанскіе, ука-

зываютъ, по его мнѣнiю, на существованiе издревле на Сѣверномъ Кавказѣ христіанства. Е. Р.

G. Millet, *Un chef-d'oeuvre de la broderie byzantine*. (Отд. отд. изъ Bulletin de correspondance Hellénique). — Авторъ описываетъ уже извѣстную по труду акад. Н. П. Кондакова, Памятнику христіанскаго искусства на Афонѣ (СПб. 1902, стр. 266), плащаницу изъ церкви Божіей Матери Панагуды въ Солуни и прилагаетъ къ сочиненію фототипіи съ памятника. Акад. Н. П. Кондаковъ относитъ памятникъ къ XI—XII в., хотя въ то же время отмѣчаетъ, что онъ не можетъ быть позже XIV в. Авторъ болѣе склоняется къ послѣдней датѣ. Е. Р.

G. Millet, *Recherches au Mont Athos* (Bull. de Corr. Hellénique, XXIX. 105 — 141). — Авторъ продолжаетъ свои изысканія въ области памятниковъ Афона. 3-й очеркъ его посвященъ фіалу и симадрѣ (Кипалу) въ Лаврѣ. Е. Р.

РЕЦЕНЗИИ:

Н. П. Кондаковъ, Археологическое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ. СПб. 1904. Рец. **Millet**, Rev. archéol., 1905, 421—422.

Strzygowski, Mschatta. Jahrb. d. preussisch. Kunstsamml. 1904, IV, 11. Рец. **Gertrude Lowthian Bell**, Rev. archéol. 1905, t. V, 431—432.

A. Michel, Histoire de l'art depuis les premiers temps chrétiens jusqu'à nos jours. T. I. Paris 1905. Рец. **S. Reinach** въ Revue archéol. 1905, t. VI, 178—179).

Strzygowski, Kleinasien ein Neuland der Kunstgeschichte etc. Lpzg. 1903. Рец. **Baumstark** въ Oriens Christianus, IV (1904), 2 Н., 414—422).

Ernst Diez und **J. Quitt**, Byzantinische Denkmäler. III. Ursprung und Sieg der altbyzantinischen Kunst. Wien 1903. Рец. **Baumstark** въ Oriens Christianus IV (1904), 2 Н., 423—428.

Schlumberger, Un empereur byzantin au X siècle. I—III parties (см. выше стр. 583). Рец. **G. Millet** въ Gazette des Beaux Arts, XI, 1905, 425—432. Е. Р.

Д. Айналовъ.
Е. Рѣдинъ.

СЛАВЯНСКІЯ ЗЕМЛИ.

H. Gelzer. *Vom Heiligen Berge und aus Makedonien*. Reisebilder aus den Athos-Klöstern und dem Insurrektionsgebiet. Mit 43 Abbildungen im Text und einem Kärtchen. Leipzig 1904, 8°, 262 стр. — Подобно болѣе раннему произведенію того же автора: «Geistliches und Weltliches aus dem türkisch-griechischen Orient» Leipzig 1900, и это сочиненіе покойнаго іенскаго профессора представляетъ результатъ его личныхъ впечатлѣній